

Карен М. Макманус

~~Вам известно,~~

КУЗЕНЫ

~~что вы сделали~~

Смерть в наследство...

Neoclassic: исследование

Карен Макманус
Кузены

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Макманус К. М.

Кузены / К. М. Макманус — «Издательство АСТ»,
2020 — (Neoclassic: расследование)

ISBN 978-5-17-133373-7

Много лет назад состоятельная дама Милдред Стори внезапно разорвала отношения со своими детьми и лишила их наследства. Единственным объяснением стала короткая записка: «Вам известно, что вы сделали». Прошли годы. У детей Милдред подросли собственные дети. И вот однажды Милли, Обри и Джона получают приглашение от бабушки провести лето в принадлежащем ей роскошном курортном отеле. Ребята едва знакомы и совсем не жаждут компании друг друга, но их родители понимают: это шанс вернуть благосклонность матери... Но на острове их не ждет теплый прием, и вскоре они осознают, что у бабушки на них совсем другие планы. И чем дольше остаются здесь, тем больше понимают, что в записке – далеко не пустые слова. Двадцать лет назад в семье Стори произошло нечто, навсегда изменившее жизнь их родителей...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-133373-7

© Макманус К. М., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1. Милли	7
Глава 2. Обри	14
Глава 3. Джона	19
Глава 4. Милли	26
Аллисон, 18 лет. Июнь 1996 года	33
Глава 5. Обри	37
Глава 6. Джона	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Карен Макманус

Кузены

Karen M. McManus
The Cousins

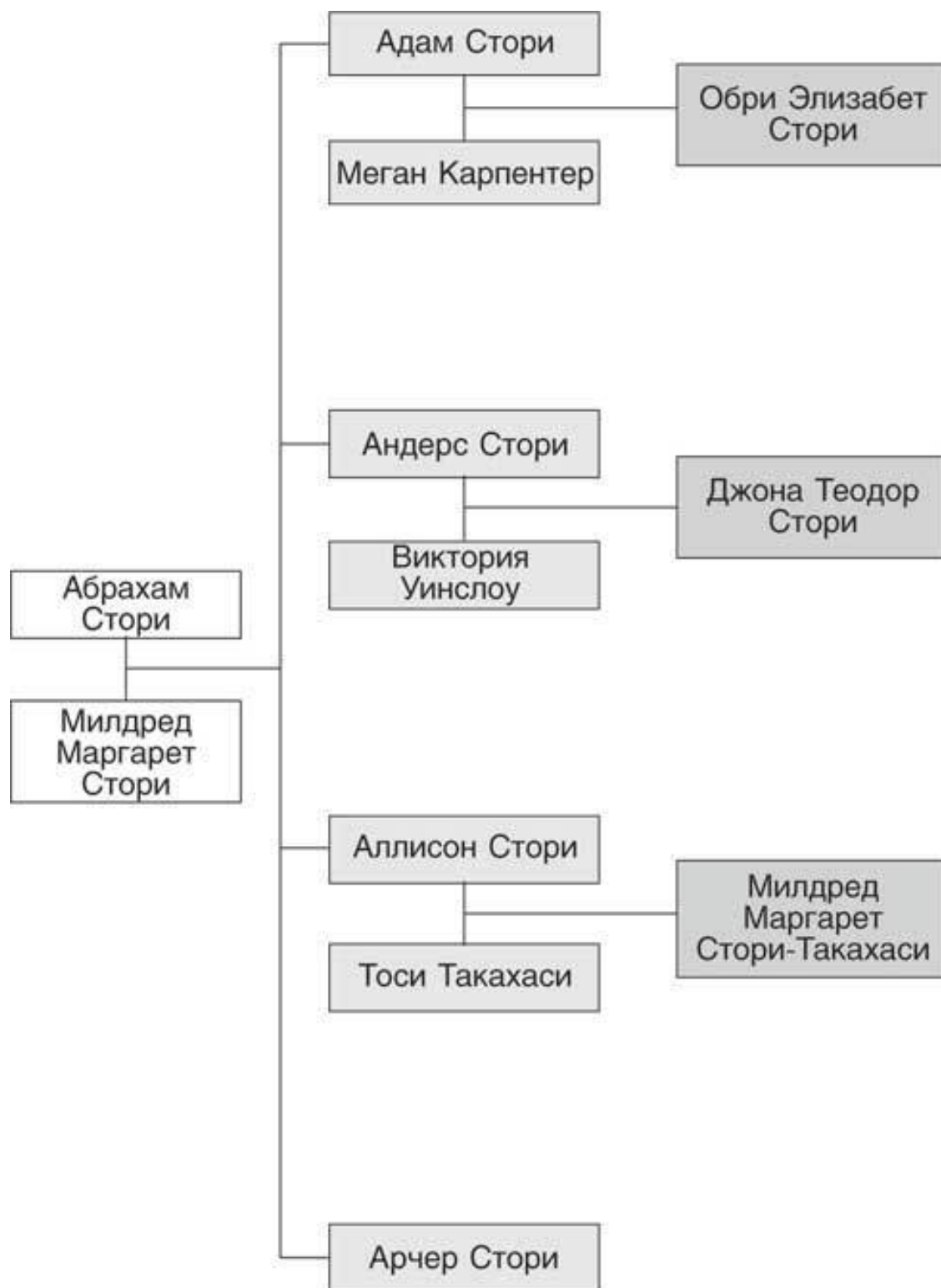
© Karen M. McManus, 2020
© Школа перевода В. Баканова, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Посвящаю Линн

Этот роман является художественным вымыслом. Имена, персонажи и события придуманы автором. Любое совпадение с реально живущими или жившими людьми, событиями или местами случайно.

Фамильное древо Стори

Глава 1. Милли

Я в очередной раз опаздываю к назначенному времени, но не по своей вине – просто кое-кто решил поумничать.

– Милдред? Так могут звать какую-нибудь бабулю. Причем совсем даже не клевою.

Глубокомысленное изречение. Как будто за все мои семнадцать лет еще никто не заметил, что имя у меня не из модных. Только банкир с Уолл-стрит с зализанными волосами и кольцом на мизинце первым додумался отпустить такой комментарий ради поддержания разговора.

– Меня действительно называли в честь бабушки, – замечаю я в ответ, допив остатки своей сельтерской.

Мы в стейк-хаусе в центре. Дождливый апрельский вечер, шесть часов, время скидок. Я стараюсь слиться с толпой. Это у нас с подругами такая игра. Мы ходим в бары при ресторанах, чтобы не тормознули на входе с проверкой документов. Надеваем самые простенькие платья, побольше макияжа... Заказываем сельтерскую с лимоном – «маленький бокал, пожалуйста, я не то чтобы очень хочу пить» – и оставляем чуть-чуть на дне, а потом ждем, пока кто-то не предложит угостить чем-нибудь. Желаящие обязательно находятся.

Прилизанный улыбается, зубы у него чуть ли не светятся в полутьме – видно, что он регулярно их отбеливает.

– Мне нравится. Так контрастирует с вашей молодостью и красотой... – Он придвигается ближе. От него резко, до головной боли, пахнет одеколоном. – У вас интересные черты лица. Откуда вы?

М-да... Чуть лучше «Чем занимаетесь?», как спрашивают иногда, но все равно банально до отвращения.

– Из Нью-Йорка, – отвечаю я подчеркнуто. – А вы?

– Я имел в виду – родом, – поясняет он, и это становится последней каплей. С меня хватит.

– Из Нью-Йорка, – повторяю я и встаю с барного стула. Весь разговор был ни к чему – я уже собиралась уходить, а коктейль перед ужином в любом случае не лучшая идея.

Поймав взгляд моей подруги Хлои на другом конце бара, я машу ей на прощание. Уже хочу уходить, но тут Прилизанный касается своим бокалом моего.

– Могу я угостить вас чем-нибудь?

– Нет, спасибо. Меня ждут.

Прилизанный недоволен – очень недоволен – хмурит свой ботоксный лоб. Насколько это возможно, конечно. У самого складки на щеках, морщинки у глаз, а еще подкатывает. Неужели не понимает, что слишком стар даже для студентки колледжа, которой я притворяюсь?

– Чего тогда мне голову морочила? – ворчит Прилизанный, уже поглядывая поверх моего плеча и выискивая взглядом следующую цель.

Хлое такие игры по душе – она говорит, что мальчишки из школы слишком незрелые. Это верно, но мне иногда кажется, что лучше уж не знать, насколько хуже они становятся с возрастом.

Выловив из бокала дольку лайма, я сжимаю ее пальцами. В глаза специально не целюсь, но все равно слегка разочаровываюсь, когда сок брызгает Прилизанному только на воротник.

– Извините, – говорю я кротко, роняя дольку обратно в бокал и ставя его на стойку. – Просто здесь так темно – когда вы только подошли, я приняла вас за своего отца.

Как бы не так. Мой папа куда симпатичнее. И он не козел, в отличие от тебя. Прилизанный раскрывает рот, но я проскальзываю мимо и оказываюсь за дверью, прежде чем он успеет что-то сказать.

Нужный мне ресторан прямо через улицу. Администраторша приветливо улыбается, когда я показываюсь в дверях.

– Чем могу помочь?

– Меня ждут. Аллисон...

Девушка смотрит в журнал посетителей перед собой и слегка сдвигает брови, так что на переносице появляется маленькая морщинка.

– Не вижу такой...

– Может быть, Стори-Такахаси? – предполагаю я.

Родители разошлись до странного мирно, и первое тому доказательство – мама оставила двойную фамилию. «Ну, ты ведь ее носишь, – как объяснила она четыре года назад, когда развод состоялся окончательно. – Да и я привыкла».

Морщинка на лбу администраторши залегает еще глубже.

– Тоже не нахожу.

– А просто Стори?

Та наконец светлеет лицом.

– О да, вот! Прошу за мной.

Захватив два меню, она направляется через зал ресторана. Мы лавируем между застеленными белыми скатертями столиками, пока не оказываемся возле угловой кабинки. Стена здесь зеркальная, и сидящая на одном из диванов женщина, потягивая белое вино, то и дело исподтишка придирчиво оглядывает свое отражение и поправляет одной ей заметные огрехи в причёске.

Я падаю на диван напротив. Администраторша кладет перед нами несуразно огромные красные папки меню.

– Значит, сегодня просто Стори? – интересуюсь я.

Мать дожидается, пока администраторша уйдет.

– Не хотелось лишний раз повторять, – вздыхает она.

Я поднимаю бровь. Обычно мама, наоборот, не спускает никому, кто якобы не в состоянии правильно произнести или записать японскую фамилию папы.

– Почему? – спрашиваю я, хотя знаю, что ответа не получу. Сперва придется выслушать обычный каскад замечаний в собственный адрес.

Мать отставляет бокал. На запылях звякают с десяток золотых браслетов. Она вице-президент по связям с общественностью в ювелирной компании, и носить главные вещи сезона – одна из дополнительных приятных привилегий ее работы. Цепкий взгляд обегает мою фигуру, отмечая переизбыток макияжа и обтягивающее синее платье-футляр.

– Куда это ты ходила в таком виде?

«В бар напротив».

– На выставку, с Хлоей.

У ее матери художественная галерея, и мы с подругами постоянно там зависаем. Якобы.

Мама снова берет бокал и делает глоток. Глянув на свое отражение, опять поправляет волосы, стянутые в тугий пучок. Распущенные, они ниспадают темными волнами, однако, как она любит повторять, до беременности волосы были гладкими как шелк, а потом огрубели. По моему, она так и не смогла мне этого простить.

– Я думала, ты готовишься к экзаменам.

– Я готовилась. До того.

Она сжимает бокал так, что белеют костяшки на пальцах. Я уже жду обычного: «Милли, ты не можешь закончить одиннадцатый класс со средней оценкой меньше четверки! Это на грани посредственности! Мы с твоим отцом слишком много в это вложили, чтобы вот так выбросить все на ветер!»

Будь у меня хоть какой-то интерес к музыке, я бы так и назвала свою группу – «На грани посредственности», в честь излюбленного мамино предупреждения. В том или ином виде я слышу его уже три года. Моя школа штампует студентов «Лиги плюща» пачками, и то, что я в своем классе где-то сильно ниже среднего уровня, – вечное мамино проклятье.

Однако нотации почему-то не следует. Вместо этого мама протягивает свободную руку и неловко, как марионетка в руках неопытного кукольника, похлопывает меня по ладони.

– Ну, вообще тебе очень идет.

Я тут же внутренне напрягаюсь. То, что мама пригласила меня в ресторан, уже достаточно странно, но комплиментов от нее и вовсе никогда не дождешься. И уж тем более ласк. Готовит меня к чему-то, что я боюсь услышать?

– Ты заболела? – вырывается у меня. – Или с папой что-то?

Моргнув, она убирает руку.

– Что? Нет! С чего ты взяла?

– Тогда почему... – Я умолкаю – появившийся у столика улыбчивый официант подливает в наши стаканы воды из серебряного кувшина.

– Добрый вечер, дамы. Могу я посоветовать вам блюдо дня?

Я украдкой наблюдаю за матерью поверх меню, пока тот оттарабанивает заученный текст. Она определенно напряжена, пальцы по-прежнему сжимают мертвой хваткой почти пустой бокал, однако я ошиблась с тем, что новости плохие. Темно-синие глаза ярко блестят, уголки губ приподняты – ну, почти. Это не страх, а предвкушение. Что могло так осчастливить маму помимо того, что я вдруг волшебным образом получила бы высший балл по всем предметам и вырвалась в первые ученицы?

Деньги, больше ничего. Вся ее жизнь вращается вокруг них – точнее, вокруг того, что ей их постоянно мало. Притом и у нее, и у папы хорошая работа. Он, хотя и женился снова, никогда на меня не скупится, а его вторая жена Сурья – полная противоположность классической злобной мачехи во всех отношениях, включая финансовые, и не имеет ничего против крупных чеков, которые он высылает каждый месяц.

Однако на Манхэттене просто «хорошего» недостаточно. И это не то, к чему мать привыкла с детства.

Наверное, получила повышение, решаю я. Точно. Отличная новость – не считая того, что опять придется выслушивать, как все это достается тяжким трудом и, кстати, почему бы мне самой не заниматься прилежнее, причем буквально по каждому предмету?

– Я буду салат «Цезарь» с курицей. Без анчоусов, заправку не перемешивайте. – Мама возвращает меню официанту, даже не взглянув на него. – И еще бокал «Ланглуа-Шато», пожалуйста.

– Очень хорошо. А что будет юная леди?

– Рибай на косточке, средней прожарки, и гору печеной картошки.

Хоть поем вкусно.

Официант удаляется. Мать осушает свой бокал, я допиваю воду. Мочевой пузырь у меня и так полон от сельтерской в баре, и я уже собираюсь отойти в туалет, когда мама говорит:

– Я получила сегодня крайне любопытное письмо.

Вот оно.

– Да? – Не дождавшись ответа, я подгоняю ее: – И про чего там?

– Про что, – автоматически поправляет она. Ее пальцы гладят ножку бокала, уголки губ еще чуть приподнимаются. – Это от твоей бабушки.

Я моргаю:

– От Баба?

И к чему тогда все приготовления? Конечно, та нечасто с ней контактирует, но не такой уж это беспрецедентный случай. Бабушка вообще любит, например, пересылать что-то прочи-

танное тем, кого, по ее мнению, это тоже может заинтересовать, и мама по-прежнему входит в круг ее адресатов, даже после развода.

– Нет, от другой твоей бабушки.

– Что? – Я не верю своим ушам. – Ты получила письмо от... Милдред?

Для маминой матери у меня нет какого-то прозвища – бабуля, Мими, Нэна... Я вообще ее никогда никак не называла, потому что мы ни разу не виделись.

– Да.

Официант возвращается со вторым бокалом вина для мамы, и она удовлетворенно делает большой глоток. Я сижу в молчании, пытаюсь осознать услышанное. Образ другой бабушки все мое детство маячил где-то на горизонте, представляя собой скорее какой-то персонаж из сказок, чем настоящего человека, – богатая вдова Абрахама Стори, чей далекий прапра и так далее приплыл в Америку на «Мэйфлауэре». История моих предков интереснее любого романа: семья разбогатела на китобойном промысле, потом почти все потеряла на акциях железных дорог и в конце концов спустила остатки, купив землю на богом забытом крохотном острове у побережья Массачусетса.

Чаячий остров был мало кому известным прибежищем художников и хиппи, пока Абрахам Стори не превратил его в то, чем он является и сейчас, – местом, где богатые и почти знаменитые тратят умопомрачительные суммы на то, чтобы провести отпуск якобы поближе к природе.

Мама и трое ее братьев росли в огромном поместье Кэтминт-хаус на побережье, словно принцы и принцесса Чаячьего острова, скакали на лошадях и посещали торжественные приемы. Дома на камине у нас стоит фотография мамы в восемнадцать лет. На ней она выходит из лимузина, направляясь на традиционный летний бал, который ее родители устраивали на курорте каждый год. Волосы убраны в высокую прическу, белое бальное платье и потрясающее ожерелье из бриллиантов каплевидной формы. Милдред подарила его маме, когда той исполнилось семнадцать, и я думала, что и мне оно достанется в том же возрасте. Однако – нет. Хотя мама его не носит.

Дедушка умер, когда мама оканчивала школу. Через два года Милдред оборвала с детьми все связи, перестала поддерживать их финансово и общаться лично. Объяснение состояло из письма с одной фразой, переданного за две недели до Рождества через юриста Дональда Кэмдена, которого мама и ее братья знали с детства: *«Вам известно, что вы сделали»*.

Мама всегда настаивала, что понятия не имеет, о чем речь. Как она говорила мне:

– Наверное, мы повели себя слишком... эгоистично. Все четверо уже учились в колледже, у нас начиналась своя жизнь. Матушке было одиноко после смерти отца, она все время просила нас приехать, но нам не особенно хотелось. – Она звала мать матушкой, словно героиня викторианского романа. – Даже на День благодарения никто у нее не появился, у всех были другие планы. Она разозлилась, конечно, но... – Здесь взгляд мамы всегда становился задумчивым, отстраненным. – Это ведь такая мелочь. Не то, чего нельзя простить.

Если бы Абрахам Стори не позаботился заранее о деньгах на образование детей, они могли бы и вовсе не окончить колледж. Однако потом все четверо оказались предоставлены сами себе. Сперва они то и дело пытались восстановить отношения с Милдред, осаждали Дональда Кэмдена, но тот лишь время от времени отвечал по электронной почте, что решение остается неизменным. Они посылали приглашения на свои свадьбы, извещения о рождении детей... Даже ездили по очереди на Чаячий остров, где по-прежнему живет бабушка, однако она так и не согласилась ни встречаться, ни говорить с ними. В детстве я часто представляла, как она однажды появится у нас дома, рассыпая меха и драгоценности, и объявит, что пришла за мной, названной в ее честь. Мы отправимся в магазин игрушек, и там она накупит мне всего, чего я только пожелаю, а в придачу вручит мешок денег для родителей.

Уверена, маме тоже представлялось что-то подобное. Иначе зачем награждать девочку, родившуюся в двадцать первом веке, именем Милдред? Однако бабушка, с помощью Дональда Кэмдена, пресекала любую попытку детей вновь сблизиться с ней. В конце концов они прекратили бесполезные старания.

Мама, кажется, ждет от меня какой-то реакции.

– Значит, Милдред написала тебе?

Она кивает, потом откашливается:

– Ну, если быть точной, не мне, а тебе.

– Мне?

Кажется, за последние пять минут я растеряла весь свой словарный запас.

– На конверте мое имя, но само письмо для тебя.

В голове всплывает то, о чем мечталось десять лет назад: я вдвоем с никогда не виденной бабушкой набиваю доверху магазинную тележку плюшевыми игрушками. Мы обе разодеты как в оперу – диадемы и прочее... Вернувшись с небес на землю, я пытаюсь найти хоть какие-то слова.

– Оно... ну это... о чем вообще?

Мама запускает руку в сумочку, вытаскивает конверт и подталкивает ко мне через стол.

– Наверное, проще будет, если ты сама прочтешь.

Открыв клапан, я вытаскиваю сложенный листок плотной желтоватой бумаги с едва различимым ароматом сирени. Наверху вытиснены инициалы ММС – Милдред Маргарет Стори. Нас с бабушкой зовут практически одинаково, только у меня еще в конце «-Такахаси». Несколько коротких абзацев печатного текста заканчиваются убористой подписью с острыми росчерками.

Дорогая Милли!

Мы с тобой, как ты знаешь, никогда не встречались. Причины непросты, но с течением времени они стали казаться менее важными, чем прежде. Сейчас, когда ты стоишь на пороге взрослой жизни, мне захотелось узнать тебя поближе.

Я владею популярным курортным отелем на Чаячьем острове и хочу пригласить тебя и твоих двоюродных брата и сестру, Джонну и Обри, провести здесь лето в качестве моих помощников. Ваши родители подростками тоже всегда работали на курорте, и это шло им только на пользу.

Уверена, вы также многое почерпнете из каникул на Чаячьем острове. Мне тяжело общаться с гостями в течение долгого времени, а так я смогу познакомиться с вами как следует.

Надеюсь, ты примешь мое приглашение. Уладить все технические вопросы поможет координатор по найму временных работников Эдвард Франклин. Связаться с ним можно по указанному ниже адресу электронной почты.

Остаюсь искренне твоя,

Милдред Стори.

Перечитав письмо дважды, я складываю листок обратно и кладу на стол. Глаз я не поднимаю, но буквально чувствую на себе взгляд матери, ждущей моей реакции. Мне уже действительно нужно в туалет, но приходится еще глотнуть воды, чтобы смочить горло – только тогда у меня наконец вырывается:

– Она что – всерьез со всей этой хренью?!

Мама явно ожидала не этого.

– Извини?..

– Ну давай уточним, – говорю я, запихивая письмо обратно в конверт и чувствуя, как пламенеют щеки. – Женщина, которую я никогда не видела, которая без оглядки вычеркнула тебя из своей жизни, не явилась ни на свадьбу, ни на мои крестины и вообще ни на одно семейное событие за двадцать четыре года, от которой не было ни единого звонка или письма, не считая этого, – и она хочет, чтобы я отправилась работать в ее отеле?!

– По-моему, ты неверно смотришь на вещи, Милли.

– И как же я должна на них смотреть?! – Мой голос повышается почти до визга.

– Ш-ш. – Мама беспокойно оглядывается кругом. Она не выносит сцен. – Как на предоставившуюся возможность.

– Возможность чего?

Мама мнетя, крутя на пальце кольцо с крупным камнем – однако оно и в подметки не годится виденному мной на старой фотографии бабушкиному изумрудному перстню. До меня вдруг доходит.

– Нет, стоп, не отвечай. Это неправильный вопрос. Правильный – не чего, а кого?

– Для кого. – Видимо, не поправлять меня выше ее сил.

– По-твоему, это шанс вернуть себе ее благосклонность? Чтобы она перепрinyла тебя обратно?

– Нет такого слова – «перепрinyла».

– Господи, мам, может, хватит?! Речь не о том, правильно или неправильно я говорю!

– Извини.

От удивления я не могу закончить начатую гневную тираду. Глаза у мамы блестят по-прежнему, но теперь в них видны слезы.

– Просто... она ведь моя мать, Милли. Я столько лет ждала от нее хоть каких-то телодвижений. Я не знаю, почему сейчас, почему ты, почему именно так, но она наконец-то попыталась установить контакт. Если не откликнуться сейчас, другого шанса может не быть.

– Шанса на что?

– Снова стать родными.

«Да и наплевать!» – вертится у меня на языке, но я сдерживаюсь. «И без нее прекрасно обходились все это время», – хочу сказать я, однако это неправда. Рядом, сколько я себя помню, всегда была словно какая-то незаполненная пустота, оставленная Милдред Стори. В результате мама стала всех держать на расстоянии, не подпуская близко – даже отца, которого, я точно знаю, любила настолько, насколько вообще способна. Маленькой я, видя их вместе, мечтала о таких же отношениях. Однако когда подросла, стала замечать, как она понемногу отталкивает его, не отвечая на ласки, задерживаясь на работе и приходя, когда мы уже легли спать, откалываясь от семейных походов куда-нибудь под предлогом мигреней, которые почему-то проявлялись только дома. Постепенно холодность и закрытость переросли в придиришки на каждом шагу, что бы папа ни сделал или ни сказал. В конце концов ему просто указали на дверь.

А теперь все то же самое повторяется уже со мной.

Я вывожу пальцем знак вопроса на запотевшем стакане с водой.

– И ты хочешь, чтобы я отправилась туда на все лето?

– Тебе там понравится, Милли.

Я фыркаю, и мама добавляет:

– Нет, правда. Курорт просто чудесный, школьники отовсюду съезжаются поработать на нем. И туда не так просто попасть. Условия для временных помощников отличные, полный доступ ко всем развлечениям. На самом деле это скорее отдых, каникулы.

– Во время которых я буду пахать на свою бабушку.

– Ты будешь там не одна, а с Обри и Джоной.

– Я их практически не знаю.

Обри я не видела с тех пор, как семья дяди Адама переехала в Орегон – нам тогда было по пять лет. Джона живет в Род-Айленде, вроде недалеко, но моя мама с его отцом едва общаются. Последний раз мы собирались вместе на день рождения дяди Андерса, когда мне исполнилось восемь. О двоюродном брате я помню только две вещи – как он ударил меня пластиковой битой по голове и остался недоволен, что я не заплакала, и как раздулся словно воздушный шарик от блюда, на которое у него была аллергия, хотя мать и предупреждала к нему не прикасаться.

– Вот и узнали бы друг друга. Вы одного возраста, родных братьев и сестер ни у кого из вас нет – было бы здорово, если бы вы сблизились.

– Как ты с дядей Адамом, дядей Андерсом и дядей Арчером? Да вы практически не разговариваете! У нас троих нет ничего общего. – Я подталкиваю конверт обратно через стол. – Я не поеду. Не собираюсь, как собачка, бежать по ее первому зову. И не хочу тратить на это все лето.

Мама опять берется за кольцо.

– Я предполагала, что ты так ответишь. Понимаю, что прошу многого. Поэтому предлагаю тебе кое-что взамен. – Ее ладонь ложится на массивную золотую цепочку, поблескивающую на черном фоне платья. – Я знаю, тебе всегда нравилось мое ожерелье из каплевидных бриллиантов. Что, если я отдам его тебе в благодарность?

Я выпрямляюсь на стуле, уже заранее представив себе, как оно будет переливаться у меня на шее. Получить его было моей многолетней мечтой – но я всегда думала, что оно достанется мне в подарок, а не в качестве подкупа.

– Почему не отдать его мне просто потому, что я твоя дочь?

Я всегда хотела спросить это, но не решалась. Возможно, боялась, что ответ будет тем же, что получил когда-то отец, хотя и не выраженный словами: «Ты мне не настолько дорога».

– Ну, это же фамильная реликвия...

Так именно поэтому оно и должно было мне достаться! Нахмурившись, я слежу, как ее рука с наманикюренными ногтями ложится на конверт. Она не подталкивает его ко мне, просто легонько постукивает по нему пальцами.

– Я хотела подарить его тебе на совершеннолетие, в двадцать один год, но если ты отправишься на лето туда, где я выросла, – наверное, будет правильнее сделать это раньше.

Я беззвучно вздыхаю и, вновь взяв конверт, поворачиваю его к себе. Мама с довольным видом потягивает вино. Не знаю даже, что хуже – что она прибегла к шантажу или что ее план сработал и я согласилась отправиться на все лето работать на бабушку, лишь бы заполучить ожерелье.

Глава 2. Обри

Я вытягиваю пальцы к скользкой стене бассейна. Коснувшись ее, тут же разворачиваюсь и выхожу на финальный отрезок. Это мой любимый момент, когда, оттолкнувшись и вытянувшись, прорезаешь воду на чистом адреналине. Иногда я даже слишком увлекаюсь и вынырываю позже, чем надо, – «торможу», по словам тренера Мэтсон. Небольшая поправка в технике, но подобные мелочи и определяют – отличный ты пловец или просто хороший. Обычно я стараюсь за собой следить, но сегодня... Да я бы вообще так и осталась под водой, если бы могла!

Я наконец поднимаюсь на поверхность, хватая ртом воздух, и перехожу на брасс. Плечи горят, ноги движутся будто сами по себе, в приятном бездумном усилии, пока пальцы снова не касаются кафеля. Тяжело дыша, стаскиваю очки, вытираю глаза и смотрю на табло. Седьмое место из восьми, мой худший результат на двухсотметровке за все время. Пару дней назад я была бы просто раздавлена, но сейчас, видя, как тренер Мэтсон, уперев руки в бедра, смотрит туда же, охвачена только чувством злобного торжества. Так ей и надо!

Впрочем, все это уже не важно. Мне уже больше не участвовать в соревнованиях за нашу школу. Сегодня я пришла, только чтобы команду не дисквалифицировали.

Выбравшись из бассейна, я беру полотенце со скамьи. Заплыв на двести метров был последним в финальных соревнованиях сезона. Обычно меня снимает мама, выкладывая безбоянно длинные видео на «Фейсбук», и я остаюсь у бортика, подбадривать участников эстафеты. Однако сегодня на зрительских местах меня никто не ждет, и сама я задерживаться тоже не собираюсь.

Шлепая мокрыми ступнями по плитке, я отправляюсь в пустую раздевалку и достаю спортивную сумку из шкафчика 74. Кидаю в нее шапочку с очками и натягиваю футболку и шорты прямо поверх купальника. Сую ноги во вьетнамки и набираю: *«Неважно себя чувствую. Встретишь у дверей?»*

Когда я вновь выхожу к бассейну, эстафета уже идет полным ходом. Все из команды, кто не участвует, вопят у бортика, меня никто не замечает. Внутри у меня все сжимается, глаза начинает щипать, но потом я вижу на обычном месте, возле вышки, тренера Мэтсон. Наклонившись вперед, блондинистый хвост на плече, она кричит: «Держать ритм!» Меня вдруг охватывает внезапное и почти непреодолимое желание броситься вперед и столкнуть ее прямо в бассейн. На секунду я позволяю себе помечтать, каково это будет, как субботняя толпа, заполнившая спортивный центр, вдруг онемевает от изумления. Все станут тянуть шеи, не веря своим глазам: «Это что, Обри Стори?! Какая муха ее укусила?! Вот уж от кого меньше всего можно было ожидать!»

И они правы. У меня кишка тонка. Поэтому я просто иду дальше.

У выхода маячит знакомая долговязая фигура – мой парень Томас. На нем подаренная мной футболка с символикой баскетбольной команды Портленда, темные волосы, как всегда к лету, коротко острижены. Я подхожу ближе, и напряжение внутри постепенно отпускает. Мы вместе с восьмого класса – в прошлом месяце как раз было четыре года, – и когда я прижимаюсь к груди Томаса, то словно погружаюсь в привычный уют теплой ванны.

Кажется, про ванну – это даже слишком буквально.

– Ты вся мокрая, – говорит Томас, высвобождаясь, и недоверчиво оглядывает меня с головы до ног. – Говоришь, неважно себя чувствуешь?

За все время нашего знакомства я, может быть, только разок простужалась. Ко мне никакая зараза не пристает, просто на удивление. «Ты не в Стори, – всегда со вздохом говаривал отец. – Нас малейший намек на вирус способен надолго уложить в постель». В этом звучала чуть ли не похвальба. Как будто их семья – какие-то редкие и хрупкие тепличные растения, а мы с мамой – сорная трава, которой все нипочем.

От мысли об отце внутри снова все будто узлом стягивает.

– Просто легкое недомогание, – говорю я.

– Ты, наверное, от мамы заразилась.

Так я объяснила ему вчера свою просьбу подвезти меня – мол, мама приболела. Утром, по дороге в спортивный центр, тоже не стала ничего рассказывать. Просто не могла подобрать слов. Однако сейчас, подходя к машине, я чувствую, что мне просто необходимо поделиться, и с облегчением ловлю на себе озабоченный взгляд Томаса. Сейчас он спросит: «Что-то случилось?», и я все ему выложу.

– Тебя ведь не стошнит? – говорит он. – Я только пропылесосил салон...

Обманутая в своих ожиданиях, я дергаю дверцу.

– Нет. Просто голова болит. Немного полежу, и все пройдет.

Он кивает, не замечая моего разочарования:

– Тогда я отвезу тебя домой.

Кхм. Домой... Второе место после спортивного центра, где мне меньше всего хочется быть. Однако придется выдержать еще несколько недель до отъезда на Чаячий остров. Надо же, как это странное и неожиданное приглашение стало вдруг желанным избавлением...

Томас заводит двигатель, и я достаю телефон, чтобы проверить сообщения от двоюродных брата и сестры в нашем групповом чате. Написала только Милли – запостила свой график поездки и спросила: *«Может, попробуем все попасть на один паром?»*

Я, как получила письмо от бабушки – папа тут же решил, что я соглашусь безо всяких вопросов, – сразу нашла их обоих в интернете. Милли отыскать в соцсетях труда не составило. Я отправила ей приглашение дружить в «Инстаграме», и она тут же его приняла. У нее куча фото с подругами, все – просто загляденье, но она из них самая красивая. В ней чувствуется японская кровь, и она куда больше моего похожа на настоящую Стори – хрупкая брюнетка с большими выразительными глазами и потрясающими точеными скулами. Я, наоборот, пошла в маму – светлые волосы, веснушки, крепкое телосложение. От изящной бабушки мне досталось только родимое пятно винного цвета на правом предплечье – у нее практически такое же на левой кисти.

Как выглядит Джона, я не знаю. Мне удалось отыскать его только на «Фейсбуке» – там у него на аватарке изображение ДНК и всего семь друзей. Я в их число не вхожу, поскольку мое приглашение он так и не принял. В чате он в основном только ноет и жалуется, злясь из-за поездки на Чаячий остров куда больше нашего. Пока Томас выруливает с парковки, я отвлекаюсь, листая вчерашнее обсуждение.

Джона: Что за бред! Я вообще должен был ехать летом в лагерь.

Милли: Ты что, возжатый?

Джона: Не в такой лагерь, в научный. Туда очень сложно попасть, конкурс огромный, а теперь придется отказаться!

Джона: И чего ради? Чтобы за гроши драить туалеты, работая на женицину, которая ненавидит наших родителей и нас, скорее всего, тоже.

Обри: Мы не будем драить туалеты. Ты что, не читал письмо Эдварда?

Джона: Кого?

Обри: Эдварда Франклина. Координатора по найму временных работников. Там куча вакансий, есть из чего выбрать. Я, например, буду спасателем.

Джона: Прямо завидки берут.

Милли: Обязательно быть таким придурком?

Милли: И кто вообще так говорит? Тебе что, 80?

Потом они препирались еще минут десять. Я не вмешивалась. Конфронтация – это не мое.

Последний раз я видела кого-то из родственников по линии Стори вскоре после переезда в Орегон. Тогда к нам вдруг заявился на выходные самый младший из братьев отца, дядя Арчер. Своих детей у него нет, но немедленно по прибытии он плюхнулся рядом со мной на пол и с видом знатока принялся помогать мне строить город из «Лего». Через пару часов дядюшку стошнило в коробку с игрушками – до меня только недавно дошло, что он все это время был просто пьян.

Папа, когда он еще время от времени о них рассказывал, называл себя с братьями и сестрой «четырьмя А». Адам, Андерс, Аллисон и Арчер, все погодки. У каждого в семье было свое амплуа: Адам – многообещающий спортсмен, Андерс – блистательный оригинал, Аллисон – сдержанная красавица, Арчер – очаровательный проказник.

Дядя Андерс, отец Джоны, единственный из всех не унаследовал семейной красоты. На старых фотографиях он невысокий, тощий, с грубыми чертами лица, косыми стрелками бровей и вечно искривленными в ухмылке тонкими губами. Когда я читаю, что пишет Джона, то представляю его себе таким же.

Я собираюсь уже убрать телефон, когда выскакивает новое сообщение от Милли – личное, только для меня. Это первый раз, до этого мы общались только втроем в чате.

«Обри, хочу спросить: только мне кажется, что Джона полный козел?»

Слегка улыбнувшись, я печатаю в ответ: *«Нет, не только»*. Открываю бардачок, где Томас специально держит что-нибудь перекусить, и вытаскиваю упаковку печенья с коричневым сахаром. Не самое мое любимое, но желудок после соревнований буквально сводит от голода.

Милли: То есть понятно, что никто от этого не в восторге. Я, конечно, не собиралась в лагерь для гениев, но все равно у меня нашлось бы занятие поинтереснее.

Прежде чем я успеваю ответить, выскакивает еще одно сообщение – теперь в нашем групповом чате.

Джона: Мне это время неудобно, и вообще не вижу смысла приезжать всем вместе.

Милли: Госспд, почему он такое чмо???

Джона: Не понял?!

Милли: ...

Милли: Упс, не туда написала.

Милли (в личном чате со мной): Втф...

Я, с набитым ртом, давлюсь от хохота. Томас косится на меня:

– Что смешного?

– Да Милли, моя двоюродная сестра, – отвечаю я, проглотив наконец печенье. – Думаю, мы с ней поладим.

– Это хорошо. Хоть лето пройдет не совсем впустую.

Постукивая пальцами по рулю, Томас сворачивает на мою улицу, узкую и петляющую, со скромными одно- и полуторазэтажными домами. Предполагалось, что это будет наше временное жилье – его купили после выхода первого романа отца почти десять лет назад. Книга не стала бестселлером, но получила достаточно хорошие отзывы, и издательство предложило контракт на вторую. Однако ее папа так и не написал, хотя с тех времен, когда я еще училась в начальной школе, он нигде больше не работал. Я очень долго думала, что ему платят за то, что он читает книги, – ничем другим он не занимался. На самом деле он за это время вообще не получил ни цента.

Томас поворачивает к нашему дому и заезжает на парковку, но двигатель не глушит.

– Зайдешь? – предлагаю я.

– Э-э... – Томас делает глубокий вдох, его пальцы продолжают постукивать по рулю. – Знаешь, я тут подумал...

Я облизываю губы, ощущая вкус корицы и хлора от воды из бассейна. Не дождавшись продолжения, спрашиваю сама:

– Что ты подумал?

Томас как-то напрягается, потом пожимает плечами:

– Ну – не сегодня, наверное. У меня еще кое-какие дела.

Расспрашивать у меня уже нет сил. Подаюсь к нему, чтобы поцеловать на прощание, но он отстраняется.

– Лучше не надо. Не хочу тоже заболеть.

Это как пощечина. Впрочем, поделом – нечего было врать.

– Ладно. Спишемся позже?

– Конечно.

Едва я выхожу из машины и захлопываю дверцу, Томас выруливает задним ходом с парковки и уезжает. Мне становится как-то не по себе. Не то чтобы он обычно ждал, пока я дойду до двери, но и вот так пулей раньше с места не срывался...

Я переступаю порог. Внутри тихо. Когда мама дома, она всегда включает музыку, обычно гранж 90-х, который любит еще с колледжа. На секунду у меня вспыхивает надежда, что никого из родителей нет, но едва я вхожу в гостиную, как замираю, услышав голос отца:

– Уже вернулась? Так быстро?

Внутри у меня все сжимается. Я оборачиваюсь – он сидит в углу, в своем кожаном «писательском» кресле, чересчур большом для тесноватой комнаты. Мама купила его после выхода первого романа, и оно куда уместнее смотрелось бы в одном из тех огромных кабинетов-библиотек с книжными полками от пола до потолка, массивным столом красного дерева и каминном. На коленях у отца вытянулась наша кошка Элоиза.

– Как соревнования? – спрашивает он, когда я продолжаю молча на него таращиться.

Он правда думает, что я ему отвечу? После того, что он вчера нам преподнес?! Да, смотрит на меня с совершенно спокойным видом, заложив пальцем страницу в книге. Я узнаю обложку с крупным черным шрифтом названия на фоне приглушенных, почти акварельных цветов. «Короткое и прерванное молчание», автор Адам Стори. Это его собственный роман о бывшем студенте-спортсмене, который добивается успеха в литературе и затем понимает, что хочет просто жить обычной жизнью, – но чокнутые поклонники не оставляют его в покое.

Наверняка отец надеялся, что книга окажется автобиографической. Вышло иначе, но он все равно перечитывает ее по меньшей мере раз в год. «Ну да, кому еще это нужно!» – думаю я про себя с возрастающей злостью, но вслух спрашиваю только:

– Где мама?

– Твоя мать, она...

Он тянет с ответом, щурясь от бьющего из панорамного окна солнца. Темные волосы на свету вспыхивают золотым нимбом, которого отец совершенно не заслуживает. У меня стискивает грудь – какой я была душой, что всегда его боготворила! Я искренне считала его особенным, выдающимся человеком, рожденным для чего-то необыкновенного. Я гордилась, что он дал мне имя тоже на «А»¹, и думала о себе как о пятой из их четверки. Однажды, грезилось мне, я буду такой же, как они, – чарующей и таинственной, с самой капелькой трагизма.

– В общем, ей нужно побыть одной.

– Побыть одной? То есть она... уехала куда-то?

Я тут же сама понимаю, что это не может быть правдой. Мама не бросила бы меня, ничего не сказав.

¹ «Обри» по-английски пишется как Aubrey. (Здесь и далее прим. пер.)

Элоиза, проснувшись, спрыгивает на пол и шествует по гостиной с недовольным, как обычно после сна, видом.

– Она отправилась к тете Дженни. До вечера, а там видно будет. Нам всем сейчас нелегко... – добавляет отец с какой-то прорезавшейся вдруг ноткой обиды.

Я смотрю на него, чувствуя нарастающий шум в ушах. Ответить бы так, как мне действительно хочется, – с громким, оскорбительным смехом пересечь комнату, вырвать из рук отца книгу и швырнуть ему в голову. А потом сказать то, что думаю: «Никаких НАС больше нет. И разрушил все именно ты».

Однако ничего такого я не говорю и не делаю – так же как не столкнула в бассейн тренера Мэтсон. Я просто натянуто киваю, как будто сказанное отцом и правда имеет смысл. Потом молча взбираюсь по лестнице к двери в спальню и прислоняюсь лбом к прохладной белой поверхности.

«Вам известно, что вы сделали», – говорилось в письме бабушки, присланном много лет назад. Отец всегда это отрицал: «Я понятия не имею, о чем она, все было нормально. Ни я, ни братья, ни сестра не совершили ничего, что оправдывало бы такое отношение». Раньше у меня не возникало и тени сомнения, что он – невинная жертва, а она – холодная, вздорная и, возможно, просто сумасшедшая старуха.

Однако вчера я узнала, как легко он врет, и теперь уже сама не знаю, чему верить.

Глава 3. Джона

Я опаздываю. Субботнее утро, мы едва ползем по шоссе через Кейп-Код. Машина тащится несчастные семьдесят пять миль от Провиденса до Хайанниса уже три часа, то и дело вставая в пробке. Самая долгая и дорогая поездка в такси за всю мою жизнь.

– Последние выходные июня, – поясняет водитель, которого зовут Фредерико, и тормозит перед светофором, едва тот переключается на желтый. – Тут уж ничего не поделаешь, верно?

– Для начала – здесь можно было бы и проскочить, – цежу я сквозь зубы.

Фредерико машет рукой:

– Оно того не стоит. Сегодня копы повсюду.

Судя по картам «Гугл», до парома, который доставит меня на Чаячий остров, осталось чуть больше мили. Мы даже проезжаем наконец на красный, однако машины впереди практически не движутся.

– У меня отправление через десять минут. – Я наклоняюсь вперед и тут же ударяюсь коленями о переднее сиденье. Тот, кто ехал там последним, видимо, любит вытянуть ноги. – Успеем?

– Ну-у... Не сказал бы, что мы точно опоздаем...

Я раздраженно втягиваю воздух сквозь зубы и принимаюсь записывать бумаги обратно в папку, которую держу в руках. Внутри – газетные вырезки и распечатки с информацией о Чаячем острове и Милдред Стори. В основном, правда, о первом, вторая ведет жизнь затворницы и появляется только на летнем балу для гостей курорта. На прошлогоднем фото из местной газеты она в огромной, какой-то театральной шляпе и перчатках, словно английская королева. Рядом стоит Дональд Кэмден, юрист, отправитель пресловутого «Вам известно, что вы сделали». На вид – самодовольный чудака, которому такое задание наверняка было по душе.

Милдред сейчас наиболее известна как меценатка. Судя по всему, у нее огромное частное собрание картин и скульптур, и она тратит кучу денег, поддерживая местное сообщество художников. Похоже, это единственная причина, почему оно еще существует на этой невзрачной гряде камней, которую по недоразумению называют островом. Ну, хоть что-то хорошее...

В глубине папки – материалы, связанные с Обри, Милли и их родителями. Старые отзывы на книгу Адама Стори, репортажи с соревнований по плаванию, заметка о том, что Тоси Такахаши стал партнером в одной из крупнейших юридических фирм Нью-Йорка. Я раскопал даже их с Аллисон Стори свадебные клятвы в колонке «Нью-Йорк таймс» почти двадцатилетней давности. Про развод, однако, там не упоминалось.

Наверное, немного странно таскать это все с собой, но я ведь никого из них не знаю. А когда я чего-то не знаю, то всегда изучаю неизвестное самым тщательным образом.

Я сую папку в свою спортивную сумку – один из тех здоровенных баулов, которые обычно берут с собой в летний лагерь на пару недель. Мне этого должно хватить на два месяца, пожитков у меня немного. Застегиваю молнию.

– Может, попробовать каким-нибудь объездным путем? – говорю я. До отправления всего восемь минут.

– Это и есть объездной путь. – Фредерико взглядывает на меня в зеркало заднего вида. – Как у тебя со скоростью?

– Что?

– Одолеешь милю за пять минут?

– Черт! – До меня наконец доходит. – Вы это серьезно?!

– Мы стоим на месте, парень. На твоём месте я бы взял ноги в руки – и вперед.

– Но у меня сумка! – в отчаянии рычу я.

Фредерико пожимает плечами:

– Ты вроде в хорошей форме. Или так, или пропустишь свой паром. Когда там следующий?

– Через два с половиной часа. – Бросив взгляд на приборную панель – остается уже семь минут, – я принимаю решение: – А, к черту! Бегу.

В конце концов, миля – это не так уж много, ничего страшного. Все лучше, чем торчать на пристани еще почти три часа. Машина тормозит, я выбираюсь и закидываю лямки сумки на плечи, как будто это огромный рюкзак.

– Судя по спутнику, тебе направо, – указывает в окно Фредерико, – прямо по той дороге. Удачи!

Не отвечая, я пересекаю поросшую травой обочину и пускаюсь бегом. С полминуты все идет нормально, а потом вдруг становится хуже некуда – сумка колошматит меня по спине, сквозь тонкие подошвы дешевых кроссовок я чувствую каждый камешек, легкие начинают гореть... Фредерико ошибся – я вообще не в форме. Мускулы у меня есть, потому что я каждый день по нескольку часов таскаю коробки, но бегать по-настоящему мне не приходилось уже очень давно. Дыхалка совсем не справляется, и с каждой секундой положение усугубляется.

Однако я не сдаюсь и стараюсь прибавить темп – мне кажется, я бегу слишком медленно. Пересохшее горло саднит, легкие как будто сейчас лопнут. Я минуя дешевый мотель, рыбный ресторанчик, поле для мини-гольфа... В воздухе разлита удушливая жара, когда влага оседает на теле, даже если просто стоять. Я весь насквозь мокрый, волосы мокры от пота, футболка прилипла к груди. Рвануть бегом было ужасной ошибкой. Что скажут родители, если я прямо здесь, на обочине, рухну в обморок?

Каким-то чудом я все же продолжаю держаться на ногах. Сумка бьется о спину, глаза щиплет от пота, я ничего не вижу. Кое-как проморгавшись, различаю угол приземистого белого здания. Приблизившись, замечаю мошеную дорожку и вывеску «Управление пароходства». Не знаю, успею ли, но, по крайней мере, я на месте.

Задышавшись, бросаюсь к окошку кассы. Блондинка за стеклом, ярко накрашенная и с завитой челкой, смотрит на меня с усмешкой.

– Поменьше страсти, красавчик, ты для меня слишком молод.

– Билет, – выпаливаю я, отыскивая кошелек в кармане. – На... час... двадцать.

Она качает головой. Сердце у меня обрывается.

– Ты всегда так впритык являешься? Еще немного, и не успел бы. Восемнадцать долларов.

У меня не хватает дыхания даже поблагодарить. Я расплачиваюсь, хватаю билет и вваливаюсь через двери в зал ожидания. Он больше, чем я думал, приходится снова прибавить шаг. Держась рукой за бок, в котором зверски колет, бросаюсь к выходу. Кажется, меня вот-вот вырвет.

На пристани почти никого нет, только несколько человек машут отъезжающим. У прохода к парому стоит мужчина в темных брюках и белой рубашке. Взглянув на часы, он подбирает свисающую со столбика цепочку и протягивает ее к противоположному, перекрывая проход. Потом видит меня, мчащегося с билетом в протянутой руке... «Подожди! Будь человеком!» – кричу я про себя.

Взяв у меня билет, мужчина размыкает цепь.

– В самый последний момент успел. Бон вояж, сынок.

Слава богу, нормальный попался. Пошатываясь, я шагаю по причалу ко входу на паром. Едва не застонав от облегчения, вступаю в уютную прохладу кондиционированного воздуха и буквально падаю на ярко-синее сиденье. Выуживаю из сумки бутылку с водой, осушаю ее едва ли не полностью в три больших глотка и выливаю остатки себе на голову. Мысленно делаю пометку, что пора начать бегать – сейчас я был просто жалок.

Никто вокруг не обращает на меня ни малейшего внимания. Все уже готовы к отпуску – бейсболки, шлепанцы, на футболках, как я понял, неофициальный логотип Чаячьего острова: силуэт чайки в кружке и аббревиатура названия.

Дождавшись, пока выровняется дыхание, я достаю из сумки туристический буклет и пролистываю до раздела «Как добраться» в середине. Паром идет два часа двадцать минут, минуя Мартас-Виньярд и Нантакет. Чаячий остров меньше их обоих – что уже о многом говорит, поскольку второй всего тринадцать миль в длину, – и назван «более уединенным и диким». Перевожу – отелей меньше, а пляжи хуже.

Отложив буклет, я окидываю взглядом пассажиров. Все бросают сумки где попало, так что я тоже просто засовываю свою под сиденье и встаю. Надо бы осмотреться. Прямо возле лестницы наверх оказывается буфет. У меня немедленно начинает урчать в животе – я ничего не ел с завтрака, а это было пять часов назад.

Выше оказывается почти такой же зал. Оттуда я поднимаюсь на открытую палубу. Все толпятся у поручней, глядя на океан. Небо хмурится, предвещая дождь, но воздух, на берегу удушающе плотный, здесь кажется свежим и соленым на вкус. Наверху, громко галдя, кружат чайки, во все стороны простирается водная гладь... Впервые за месяц поездки вдруг начинает казаться не такой уж плохой идеей.

Пить хочется даже сильнее, чем есть, так что я решаю спуститься и все же взять что-нибудь в буфете, утолить жажду. Пытаясь отыскать кошелек, чтобы посмотреть, сколько наличных у меня осталось, я едва не врезаюсь в кого-то, кто поднимается мне навстречу.

– Осторожнее! – раздается девичий голос.

– Извините, – бормочу я, потом поднимаю голову и сглатываю от неожиданности. – В смысле, это... Привет.

Сперва я вижу только, что девушка передо мной просто сногшибательна. Темные волосы, черные глаза... Полные губы насмешливо изогнуты, но почему-то это совсем не раздражает. Ярко-красный сарафан, сандалии, поднятые на голову солнечные очки, большие, мужские часы на запястье и... Вот черт! Как я мог ее не узнать! Надо же было остолбенеть как идиот!

– «Извините» в смысле «привет»? – Улыбка становится чуть шире, почти с намеком на игривость. – Правда?

Я делаю шаг назад, забыв, что стою на лестнице, и едва не падаю. Это дает мне несколько мгновений, чтобы прийти в себя, пока я хватаюсь за перила и пытаюсь восстановить равновесие. Вот уж кого я хотел избегать всеми силами хотя бы до того, как мы прибудем на остров... Ну, раз уж мы буквально столкнулись, выбора нет.

– Да. Привет, Милли.

Она озадаченно моргает. Сзади слышится сердитое покашливание.

– Извините, могу я пройти вниз?

Обернувшись, я вижу стоящего на верхней ступеньке пожилого мужчину в клетчатых шортах и бейсболке с эмблемой «Ред Сокс».

– Сейчас. Мы уже поднимаемся.

Я разворачиваюсь, и он делает шаг в сторону, пропуская меня. На лестничной площадке я останавливаюсь и облакачиваюсь о стену. Милли подходит, уперев руки в бедра.

– Мы знакомы?

Черт, поверить не могу, что я только что на нее пялился. И она, похоже, была не против. Неудобно получилось.

– Да. Ну, в каком-то смысле. Я Джона, – добавляю я, протягивая руку. – Джона Стори.

– Джона Стори? – повторяет Милли, глядя на меня широко распахнутыми глазами. Моя ладонь так и висит в воздухе.

– Твой двоюродный брат, – напоминаю я.

Помедлив еще миг, Милли наконец нерешительно касается моих пальцев своими.

– Ты правда Джона?!

– Да.

– Серьезно?

Я позволяю вкрасться в свой голос нотке раздражения. В конце концов, это моя фишка.

– У тебя что, проблемы со слухом? Я уже неоднократно ответил – да.

Милли сужает глаза.

– А, вот теперь узнаю. Меня сбил с толку весь этот твой... – она машет рукой у меня перед лицом, – ...модельный вид. Я-то думала, ты выглядишь так же, как разговариваешь.

Меня на это не поймает, даже не собираюсь интересоваться, что она имеет в виду. Однако Милли и не ждет моего вопроса.

– Как гном с запором, – уточняет она.

В образности ей не откажешь.

– Я тоже рад с тобой познакомиться.

Она окидывает меня взглядом с головы до ног и морщит нос.

– Почему ты весь потный?

Я с трудом подавляю порыв понюхать, насколько от меня разит. Судя по выражению ее лица, довольно здорово.

– По-моему, это тебя совершенно не касается.

– Что ты вообще здесь делаешь? Ты ведь «не видел смысла» приезжать всем вместе?

Я скрещиваю руки на груди. И надо же мне было потащиться наверх! Разговор меня конкретно утомляет, не знаю, сколько я еще смогу выдержать.

– Планы изменились.

Милли цокает языком, потом делает приглашающий жест:

– Ладно, пошли тогда. Познакомишься с Обри.

Я не в настроении говорить еще с кем-либо, и, видимо, это отражается на моем лице, потому что она закатывает глаза и добавляет:

– Поверь, она тоже вряд ли будет в восторге.

– Не думаю, что...

– Эй, вот ты где! – прерывает нас новый голос. – Я уж думала, что не найду тебя.

Девушка моего возраста, в синей кофте с короткими рукавами и спортивных шортиках, светлые волосы собраны в низкий хвост. Кожу покрывают веснушки, и явно не только нос и щеки, но и все тело. Лицо мне знакомо по вырезкам из моей папки, хотя его обладательница там обычно в шапочке для плавания. Улыбка, адресованная Милли, становится шире, когда Обри замечает меня.

– Ой, извини. Кажется, я помешала...

– Нет-нет, – обрывает ее Милли и указывает на меня с видом ведущей шоу, вручающей какой-то бесполезный приз. – Знаешь, кто это? Джона!

Брови Обри взлетают вверх, она в замешательстве переводит взгляд с Милли на меня и обратно.

– Правда?

– Да, судя по всему, – пожимает плечами Милли.

Глаза Обри продолжают бегать туда-сюда. Даже без улыбки в выражении ее лица остается какое-то дружелюбие. И честность. Похоже, она совсем не умеет врать.

– Вы меня что, разыгрываете?

Кажется, настало время моего выхода.

– Ну извините, что не свечу своей физиономией во всех соцсетях, как другие безмозглые лемминги, которым не хватает чужого внимания.

– А... Теперь вижу. Привет, Джона, – кивает Обри и оглядывается на Милли, которая то и дело косится на океан, будто прикидывая, не спихнуть ли меня за борт. – Ты не очень смахиваешь на Стори.

– Я похож на мать.

Обри со вздохом убирает с глаз прядь тусклых волос.

– Я тоже. – Она глубоко втягивает воздух, словно готовясь нырнуть в холодную воду. – Давайте спустимся вниз, поболтаем немного. Нам не помешает узнать друг друга получше.

Через полчаса Милли доходит до кондиции. Я не знаю ее настолько, чтобы быть полностью уверенным, но готов поставить все, что у меня есть, – она меня терпеть не может. Миссия выполнена, я считаю.

– Пойду возьму себе выпить. – Милли поднимается с места в кабинке у окна, где мы сидим. – Обри, ты хочешь чего-нибудь? Или, может, вместе пойдем?

Вопреки моим ожиданиям, та не срывается за ней. Она сидит с отсутствующим видом, то и дело настойчиво заглядывая в телефон, и каждый раз – как сейчас, например, – ее взгляд затухает. Кажется, она чего-то ждет.

– Нет, спасибо, – бормочет она.

Милли направляется к лестнице. Между нами двумя повисает молчание. Обри методично копается в телефоне. Мой вдруг тоже гудит в кармане. Сообщение от контакта, записанного у меня как «Джей-Ти».

«Как идут дела?»

Весь напрягшись, я печатаю в ответ: *«Отлично».*

«Это все, что ты мне хочешь сказать?»

Могу еще послать куда подальше. Однако набираю только: *«Ага. Ну, мне пора».*

Не обращая внимания на сигнал о еще одном сообщении, я убираю телефон обратно. Обри поднимает руки к волосам, затягивая хвост потуже.

– Кстати, мои соболезнования по поводу «лагеря гениев», – говорит она.

– Что?

– Это мы с Милли так называли твой научный лагерь, куда ты собирался, – поясняет она, склонив голову набок. – Может, у тебя еще будет шанс? Следующим летом, например? Или уже слишком поздно?

– Да. Весь смысл был в дополнительных баллах для поступления в колледж.

В отсутствие Милли сарказм у меня как-то не получается. Разговаривать так с Обри – все равно что пинать щенка ногами.

– Жаль. Честно говоря, не думала, что ты все-таки поедешь на остров. Ты вроде так резко был против...

– Оказалось, что у меня особо нет выбора.

– Похоже, у нас у всех его не было.

Обри закидывает ногу на ногу и, покачивая ступней, уставляется в окно на сгущающиеся тучи. От Хайанниса до Чаячьего острова тридцать пять миль, и погода портится чем дальше, тем больше.

– Твой отец – дядя Андерс... – Обри произносит так, будто это имя персонажа из фильма. – Какой он? Я совсем его не помню. Кажется, последний раз мы виделись, когда мне было пять?

– Он... настойчивый, я бы так сказал.

Голубые глаза Обри рассеянно глядят куда-то вдаль.

– О нем папа меньше всего говорит. Мне кажется, тетя Аллисон ему ближе всего, к дяде Арчеру он относится как-то покровительственно... А вот твоего отца едва вспоминает. Не знаю почему.

Сглотнув, я облизываю губы. Это скользкая тема. Как много можно ей сказать?

– Отец, он... всегда был как бы «белой вороной» в семье. По крайней мере, ему самому так казалось, насколько я понимаю.

– Вы с ним близки?

С этим козлом?! Еще чего! Однако я проглатываю неприятную правду и, изображая безразличие, пожимаю плечами:

– Все сложно. Сама, наверное, сталкивалась...

– Да уж. Особенно в последнее время.

Окно покрывается капельками дождя. Обри, приложив ладони козырьком к стеклу, выглядывает наружу.

– Думаешь, она будет ждать нас на пристани?

– Милли? Считаешь, найдет до того времени компанию получше? – не без надежды спрашиваю я.

– Да я не про нее, – смеется Обри. – Про бабушку.

Ее искренняя реакция застает меня врасплох. Мы как-то слишком легко нашли общий язык, и это не здорово. Как говорят на всяких реалити-шоу: «Я здесь не для того, чтобы заводить друзей».

– Ага, сейчас, – фыркаю я. – Она больше ни одного письма не прислала.

Лицо Обри омрачается.

– Тебе тоже? Я шесть раз ей писала, и она не ответила.

– Я не написал ни разу – с тем же результатом.

– Прямо мороз по коже. – Обри даже слегка поеживается, хотя речь, понятно, идет не о температуре. – Не понимаю. Ну ладно, впервые написать своим внукам с предложением о работе – как будто не родным, а просто наемным помощникам! Но могла бы по крайней мере как-то поддерживать контакт... В чем вообще весь смысл, если она даже не пытается узнать нас поближе?

– Дешевая рабочая сила, – пытаюсь пошутить я, но у Обри только еще больше опускаются уголки рта.

Я уже собираюсь отойти под каким-нибудь предлогом, когда замечаю яркую красную вспышку на лестнице – Милли возвращается. Это должно было бы подстегнуть меня еще больше, но я почему-то не двигаюсь с места.

– Разбирайте.

Милли с трудом удерживает в руках четыре пластиковых стакана – один с прозрачной жидкостью до краев и большой долькой лайма, три других со льдом. Усевшись рядом с Обри, разливает содержимое поровну и протягивает нам двоим.

– За – ну, не знаю, за долгожданную встречу с таинственной Милдред, наверное.

Мы чокаемся. Обри делает длинный глоток, но почти тут же все выплевывает.

– Фу! Милли, что это?!

Та невозмутимо протягивает ей платок.

– Пардон, забыла про лайм. – Она выдавливая в стаканы сок из дольки. – Джин с тоником, а что?

– Ты серьезно?! – Обри с гримасой отвращения отставляет свой. – Спасибо, но я не пью спиртное. Как тебе его вообще продали?

– У меня свои хитрости. – Милли отвлекается на гуськом спускающихся по лестнице пассажиров, которых дождь прогнал с верхней палубы, потом вновь переводит взгляд на нас с Обри. – Ну, потрепались на славу, давайте теперь всерьез. Что мы друг от друга скрываем?

У меня разом пересыхает в горле.

– О чем ты?

Милли пожимает плечами.

– Вся наша семья – одни сплошные секреты. У Стори по-другому не бывает. Наверняка у вас найдется что-нибудь интересненькое. – Она наклоняет стакан в мою сторону. – Давай, выкладывай.

Я чувствую, как дергается мускул под челюстью. Я бросаю взгляд на Обри – та вся побледнела, что и веснушек стало не видно.

– Нет у меня никаких секретов.

– У меня тоже, – выпаливает она. Руки стиснуты на коленях, вид такой, словно вот-вот расплачется или ее стошнит. Я был прав – врать она совсем не умеет, с этим у нее даже хуже моего.

Однако она Милли не интересуется. Обернувшись ко мне, та подпирает рукой подбородок (чересчур большие часы съезжают вниз, на предплечье), слегка подается вперед и делает глоток из стакана.

– У всех есть секреты. Тут двух мнений быть не может. Вопрос только в том, чьи они – твои собственные или кого-то еще.

На лбу у меня выступает испарина. С трудом поборов желание утереть ее, я разом выпиваю половину коктейля. Не люблю джин, но тут хватаешься за то, что есть под рукой.

– А что, и те, и другие сразу не могут быть? – интересуюсь я с деланным ленивым раздражением.

Дождь так и хлещет по стеклу. Глаза Милли неотрывно смотрят на меня.

– У тебя, Джона? – спрашивает она, приподняв изогнутую, безукоризненной формы бровь. – Очень даже могут, я думаю.

Глава 4. Милли

– Выглядит не особо, да? – говорит Джона.

Я искоса взглядываю на него из-за Обри. Дождь перестал, мы стоим на верхней палубе и смотрим на приближающийся Чаячий остров. Джона облакачивается на поручни и подается вперед. Ветер треплет его волнистые темно-каштановые волосы – нечто среднее по цвету между светлыми прядями Обри и почти черными моими. Острый подбородок, который я запомнила, превратился в квадратный, и скобки на зубах пошли только на пользу. Улыбаются, правда, эти губы нечасто.

– А мне нравится! – громко произносит Обри, стараясь перекрыть шум двигателя.

Паром резко кренится набок, подняв в воздух брызги белой пены. Вцепившись одной рукой в поручень, я прикусываю костяшку большого пальца на другой – есть у меня такая привычка, когда нервничаю. Мама терпеть ее не может. Губами я ощущаю вкус соли на мокрой коже, однако это приятнее, чем вдыхаемый нами воздух, наполненный выхлопными газами.

– Мне тоже, – откликаюсь я рефлекторно, лишь бы не соглашаться с Джоной.

Однако, по сути, он прав. Даже на расстоянии остров выглядит плоским и невзрачным. Тускло-желтая лента пляжей постепенно сливается с океаном, почти таким же серым, как нависшие плотные облака над нами. Крохотные белые домики усеивают берег, выделяясь на фоне невысоких деревьев. Единственное яркое пятно – приземистый маяк, желто-коричневый в веселенькую голубую полоску.

– Такой маленький, – замечает Обри. – Как бы нас клаустрофобией не накрыло.

Вытащив палец изо рта, я опускаю руку. Тяжелые часы соскальзывают на запястье. Старенькие дедушкины «Патек Филипп» – единственная память о нем, полученная еще до того, как бабушка прекратила общаться с детьми. Сколько мама ни пыталась, их так и не удалось починить. На них всегда три часа – и все же дважды в сутки, как сейчас, например, они не врут.

– Может, Милдред так нас загрузит, что нам вообще будет ни до чего, – откликаюсь я.

Обри переводит взгляд на меня:

– Ты зовешь ее Милдред?

– Ну да. А ты как?

– Бабушка. Папа всегда говорил о ней «твоя бабушка», и я как-то привыкла. – Она поворачивается к Джоне: – А для тебя она кто?

– Никто, – отрывисто отвечает он.

На несколько минут между нами повисает молчание. Паром продолжает двигаться к берегу. Белые домики становятся больше, желтая полоса пляжей обозначается четче. Скоро мы проходим мимо маяка, так близко, что видно гуляющих возле него людей. Пристань заполнена суденышками – по большей части они куда меньше того, на котором мы стоим. Оно ловко втискивается между двумя другими, и шум двигателей внезапно обрывается.

– Добро пожаловать на Чаячий остров! – объявляет капитан по громкоговорителю.

– Столько народа... – В голосе Обри, обводящей взглядом толпу на пристани, звучит нервная нотка.

– Место здорово разрекламировано, вот все сюда и рвутся, – замечает Джона, поворачиваясь от поручней к лестнице. – Не смотрели, сколько стоит снять здесь номер? Люди просто ненормальные, – качает он головой. – На Мартас-Виньярде или Нантакете пляжи куда лучше, но их привлекает маленький зачуханный островок – якобы из-за своей «небанальности».

По пути к выходу Джона сворачивает в сторону и вытаскивает из-под скамьи потрепанную спортивную сумку.

– А ваши вещи где? – спрашивает он меня и Обри.

– Сдали в багаж при посадке, – отвечаю я, оглядывая его пожитки. – У тебя что, больше ничего с собой нет?

Он перекидывает сумку через плечо.

– Мне много не надо.

Скоро мы вливаемся в поток сходящих с парома пассажиров, движущихся к берегу по узкому причалу. Прямо парад отпускников – несмотря на пасмурную погоду, все как один в шортах, темных очках и бейсболках. Мое красное платье совершенно выбивается из общей массы, однако я надела его не просто так. Его носила мама в старших классах, и это одна из немногих сохранившихся у нее вещей, в которых и сейчас можно ходить. Небольшая шпилька в адрес бабули, которая пригласила нас, внуков, но так и не пожелала признавать собственных детей. Они по-прежнему существуют, Милдред, вне зависимости от твоего к ним отношения!

Причал выходит на широкую мощеную дорожку. Дома по бокам обшиты дранкой разных оттенков белого и серого цветов. Я глубоко вдыхаю и слегка вздрагиваю – к соленому морскому воздуху примешивается аромат жимолости. Так пахнут мамины духи, но я никогда раньше не сталкивалась со смесью этих запахов в естественном виде.

Вдоль одной стороны дорожки выставлены крытые тележки с багажом. Мы с Обри отыскиваем номер 243, который нам назвал принимавший наши вещи служащий, и откидываем клапан.

– Вот они, – с облегчением говорит Обри, беря рюкзак и один из чемоданов.

Я начинаю вытаскивать свои – два на колесиках, один поменьше без – и здоровенную сумку для ноутбука. Сзади слышится недоверчивое фырканье Джоны.

– Это все твое?! – Я не отвечаю, и он добавляет: – Ты что, весь свой гардероб упаковала?

Даже не половину, но ему об этом знать необязательно. Как и то, что в небольшом одни только туфли.

– Мы здесь на два месяца, вообще-то, – напоминаю я.

Джона окидывает неодобрительным взглядом мои чемоданы «Туми» с алюминиевым корпусом, отделанным под перламутр. Наверное, если не знать, что мама купила их с рук на интернет-аукционе, смотрится слегка претенциозно. Особенно среди окружающих нас шорт и футболок. Деньги у отдыхающих на Чаячьем острове имеются, и немалые, но здесь не принято ими хвастаться. В этом частично заключается местный шарм.

– Вижу, дела у тети Аллисон идут неплохо, – ехидно замечает Джона.

– Ой, да брось. Подумаешь, привезла с собой побольше одежды, чтобы было из чего выбрать, – огрызаюсь я. – Ты сам собирался в какой-то выпендренный научный лагерь на все лето, так что не тебе меня судить.

– Вот только выяснилось, что мне он не по карману. – По его лицу пробегает тень гнева, прежде чем оно снова принимает обычное утомленно-презрительное выражение. – Так что вместо этого я оказался здесь.

Я сдерживаю так и просящееся на язык «вот нам повезло!». Мне мало известно о финансовой ситуации что Джоны, что Обри. У нее, знаю, мать работает медсестрой, а отец последние десять лет пытается написать вторую книгу. Вряд ли они бедствуют, но уж точно не купаются в деньгах. С родителями Джоны все запутаннее. Дядя Андерс вроде бы финансовый консультант, но не в какой-то компании, а сам по себе. Пару недель назад, отыскивая информацию о родственниках в Сети, я наткнулась на короткую заметку в местной газете, где недовольный бывший клиент называл его «Берни Мейдоффом из Род-Айленда». Кто это такой, я не знала, пришлось гуглить. Оказалось, тоже консультант, который сел в тюрьму за организацию гигантской финансовой пирамиды и обман многих тысяч инвесторов. Я была слегка шокирована – наша семья, конечно, со странностями, но преступников у нас в роду никогда не было. Однако потом я почитала дальше, и в итоге выяснилось, что, хотя пара клиентов и обвиняла дядю Андерса в мошенничестве, достоверно ему можно инкриминировать максимум неудач-

ные советы. История оказалась слишком мелкой для нью-йоркских газет, маме на глаза даже не попала и не особенно ее впечатлила.

– Никто, имея хоть каплю рассудка, не доверил бы Андерсу свои деньги, – сказала она.

– Почему? – удивилась я. – У него же вроде блестящий ум, как ты говорила?

– Да. Но Андерса всегда заботили интересы только одного-единственного человека – его собственные.

– А как же тетя Виктория? Или Джона?

Мама поджимает губы.

– Я имела в виду бизнес, а не семью.

Однако выражение ее лица говорит об обратном. Возможно, это объясняет горечь во взгляде Джоны.

Обри обегает глазами кишачие вокруг толпы.

– Бабушка так и не появилась, – говорит она грустно. Неужели правда думала, что Милдред будет нас ждать? – Наверное, придется просто взять такси?

– Видимо, да. Я, правда, ни одного не вижу... – Щурясь против выглянувшего вдруг солнца, я спускаю темные очки в массивной черепаховой оправе на нос.

– Аллисон...

Только услышав имя несколько раз – и заметив нахмурившийся лоб Джоны, – я наконец оглядываюсь по сторонам и замечаю стоящего рядом хрупкого седого старичка. Слезающиеся карие глаза неотрывно смотрят на меня.

– Аллисон, – повторяет он дрожащим, неверным голосом. – Ты вернулась. Но зачем?

– Я...

Не зная, что сказать, я перевожу взгляд со старичка на Обри и Джону. Мне говорили, что я похожа на маму – добавляя иногда «просто даже на удивление» и косясь при этом в сторону отца, – но никогда раньше не принимали меня за нее. Может, дело в платье? Или в очках? Или в слабеющем разуме старичка?

– А Милдред знает? – В голосе начинает звучать волнение. – Ей это не понравится, Аллисон. Совсем не понравится.

У меня мурашки пробегают по шее.

– Я не Аллисон, – говорю я, снимая очки.

Старик, от неожиданности шагнув назад, оступается на булыжнике и едва не падает. Обри, молниеносно бросившись вперед, успевает поддержать его под локоть.

– Вы в порядке?

Тот не отвечает, глядя на меня так, будто привидение увидел.

– Кажется, вы знаете нашу бабушку, Милдред Стори? Это Милли, дочь Аллисон, а я Обри. Мой отец – Адам Стори. А это Джона, он... – указывая свободной рукой, продолжает она, но старик перебивает ее.

– Адам? – спрашивает он слабым голосом. – Он тут?

– Нет, нет, – улыбается Обри. – Здесь только я, его дочь.

Старик выглядит жалким и потерянным. Одной рукой он шарит в кармане кофты, будто вспомнил вдруг, что оставил дома что-то важное.

– У Адама были блестящие задатки, блестящие. Но он растратил их зря. Глупый мальчишка. Одно слово – и он мог бы все изменить.

Улыбка сползает с губ Обри.

– Что изменить?

– Дедушка! – доносится до нас встревоженный голос.

Я оборачиваюсь – к нам шагает девушка примерно нашего возраста. Невысокая, мускулистая, по смуглой коже рассыпаны веснушки, на голове копна темных волос, запястья украшает множество плетеных кожаных браслетов.

– Я же сказала тебе ждать у кондитерской! Никак не могла припарковаться из-за этих чертовых туристов... – Заметив все еще придерживающую деда за руку Обри и наши чемоданы, она поправляется: – Я хотела сказать – из-за новых гостей. С ним все в порядке? – с ноткой озабоченности спрашивает она.

Старик несколько раз медленно моргает, словно стараясь сфокусироваться на ней.

– Все хорошо, Хейзел, все хорошо, – бормочет он. – Немного устал, больше ничего.

Та берет его под локоть. Обри отступает назад.

– Кажется, мы его встревожили, – виновато говорит она, хотя на самом деле все было как раз наоборот. – Похоже, он знаком с нашей бабушкой.

– Да? А кто ваша бабушка?

– Э-э... Милдред Стори...

Обри будто сомневается, что имя что-то скажет девушке, однако у той немедленно расширяются глаза, а на лице, до того напряженном и озабоченном, появляется широкая улыбка.

– Не может быть! Так вы, значит, младшие Стори? Что вы здесь делаете?

– Бабушка пригласила нас поработать летом на ее курорте, – поясняет Обри.

Глаза Хейзел обегают нас троих с жадным любопытством.

– Ух ты! И вы впервые на острове?

Мы с Обри киваем. Хейзел слегка сжимает локоть старика.

– Дедушка, почему ты мне не сказал, что внуки Милдред Стори проведут здесь лето? Ты ведь знал, правда?

– Нет. – Старик снова принимается теревить карман.

– Наверное, ты просто забыл. – Повернувшись к нам и понизив голос, она добавляет: – У него ранняя стадия деменции. Иногда бывают просветления, а иногда совсем теряется. Они с миссис Стори близко дружат, он был их семейным врачом и хорошо знал ваших родителей. Я Хейзел Бакстер-Клемент, кстати. А дедушка – доктор Фред Бакстер.

Я тут же вспоминаю это имя.

– Ну конечно! Мама всегда говорила, что он, наверное, последний врач, который ходил по вызовам на дом.

– Да – к вашей семье, – усмехается Хейзел.

– Мой папа говорил то же самое, – добавляет Обри. – И еще, что благодаря доктору Бакстеру после травмы колена смог снова играть в лакросс в старших классах.

Все взгляды останавливаются на Джоне – добавит ли он что-то к этим воспоминаниям, но тот, грубиян, пялится в свой телефон. Повернувшись к нам с Обри, сует нам его под нос.

– Судя по всему, чтобы взять такси, нам нужно попасть на Херли-стрит.

– Это здесь, прямо за углом, – поясняет Хейзел, показывая налево.

Я уже подхватываю свой чемодан, когда она добавляет:

– Слушайте, я понимаю, мы только познакомились и просить немного странно и неожиданно, но... Я учусь на историческом в Бостонском университете и в прошлом семестре занималась одним проектом, связанным с вашей семьей. Это самостоятельное исследование о первых колонистах, потомки которых по-прежнему преуспевают в информационную эпоху. Моему руководителю очень понравилось, и он хочет, чтобы осенью я продолжила развивать тему. Может, я могла бы задать вам кое-какие вопросы? – Не дождавшись ответа, она заискивающе улыбается: – Совершенно безобидные, обещаю.

– Эм-м... – Я опускаю темные очки обратно на нос, избегая ее взгляда. В нашей семье самые невинные вопросы могут оказаться с подвохом. – Мы, наверное, в ближайшее время будем заняты...

– Да, понимаю. Давайте я дам вам свой номер – позвоните, если найдете минутку. Или захотите развлечься – я вам здесь все с удовольствием покажу.

Бросив взгляд на все еще держащего в руках телефон Джону, она быстро диктует цифры. Уж не знаю, правда он их записывает или только делает вид...

– Ну, удачного вам первого дня на острове. Пойдем, дедушка, мы хотели поесть мороженого.

Доктор Бакстер, все это время спокойно стоявший, опираясь на руку внучки, услышав обращение к себе, вдруг будто просыпается. Взгляд снова фокусируется на мне, лицо хмурится, уголки рта опускаются вниз.

– Тебе не следовало приезжать, Аллисон.

Хейзел нетерпеливо цокает языком:

– Это не Аллисон, дедушка. Ты все перепутал. – Улыбнувшись и махнув нам на прощание, она тянет его к кафе у нас за спиной. – Еще увидимся!

Обри смотрит им вслед, пока они не исчезают внутри.

– Странная встреча...

Закинув рюкзак на плечо, она подхватывает чемодан и шагает к Херли-стрит. Я стою в нерешительности, обводя взглядом свои, пока Джона, вздохнув, не берет два самых больших.

– С остальным-то справишься, принцесса? – бросает он через плечо, катя их по булыжной мостовой.

– Да, – цежу я сквозь зубы. Я бы его поблагодарила – если бы он обошелся без «принцессы».

– Ого, – произносит Джона, когда наше такси останавливается.

Главное здание курорта находится на противоположной от пристани стороне острова, иначе оно сразу бросилось бы нам в глаза. Смесь викторианского особняка и современного роскошного спа-отеля смотрится куда лучше, чем можно было бы подумать. К тому же это самое большое строение на острове – четыре этажа и бог знает сколько номеров. Девственно-белый фасад, идеально подстриженные кустарники в цвету, трава неестественно яркого зеленого цвета... Даже подъездная дорожка выглядит заново вымощенной и невероятно гладкой.

– Приятного отдыха, – говорит шофер, выходя из машины и помогая выгрузить из багажника наши чемоданы. – Смотрю, вы здесь надолго, а?

Я протягиваю ему десятидолларовую купюру, хотя по счетчику вышло всего семь.

– Да уж...

Обри заглядывает в телефон.

– Нам нужно получить все необходимые инструкции у Эдварда Франклина, – сообщает она. – Его кабинет на первом этаже, возле холла.

– Оставим пока вещи здесь, – предлагает Джона, стаскивая чемоданы и сумки в одну кучу. Заметив сомнение на моем лице, он закатывает глаза: – Ой, да ладно. Тут номера стоят от восьми сотен за ночь. Можешь не переживать за свое барахло.

– Заткнись, – огрызаюсь я, подхватывая сумку с ноутбуком и проходя мимо Джоны к двери. Всякий раз, как он открывает рот, мне начинает казаться, что вся эта поездка – одна большая ошибка.

В просторном холле нас встречает улыбающийся портье и показывает, как пройти к кабинету Эдварда Франклина. Миновав лифты, мы сворачиваем в узкий коридор с мягким, заглушающим шаги ковровым покрытием на полу. Я разглядываю фотографии в рамках на стенах, надеясь заметить бабушку или, может быть, даже маму среди улыбающихся лиц посетителей, и чуть не врезаюсь в Обри, когда та вдруг останавливается у двери.

– Есть кто-нибудь? – окликает она, постучав. – Здесь инструктаж временных работников?

– Да, да, – отвечает изнутри энергичный голос. – Входите.

Мы перешагиваем порог маленького кабинета, большую часть которого занимает огромный стол орехового дерева с разбросанными там и сям стопками папок. Из-за стола нам улы-

бается человек с зачесанными набок очень светлыми, как у Драко Малфоя, волосами, в хрустящей белой рубашке и галстук с ярко-голубыми рыбками.

– Здравствуйте, и прошу прощения за беспорядок. У нас сейчас легкая неразбериха.

– Вы, наверное, Эдвард? – говорю я.

Предположение вполне логичное, учитывая, что он сидит в его кабинете. Однако дружелюбный «Драко» качает головой:

– Нет. Я Карсон Файн, отвечаю здесь за прием гостей. И исполняю обязанности Эдварда, пока мы не найдем ему замену.

– Замену? – сдвигаю я брови. – Так его здесь нет?

– Уволился два дня назад, – поясняет Карсон. – Несколько неожиданно, но не беспокойтесь – наем помощников на лето продолжится и без него. Пожалуйста, назовите мне ваши имена.

– Милли Стори-Такахаси, Обри Стори и Джона Стори, – произношу я.

Пальцы Карсона замирают над клавиатурой.

– Серьезно? Ребята, а вы в курсе, что у вас одна фамилия с владелицей курорта? Надо же, какое совпадение! Кажется, у нас до сих пор не было ни одного Стори, а тут сразу трое! – Вокруг его голубых глаз собираются лукавые морщинки. – Жаль, что вы с ней не родственники, а?

Джона откашливается, мы с Обри обмениваемся недоумевающими взглядами. Как можно не знать, кто мы? Разве о нашем приезде не должно было стать известно, и не только среди тех, кто занимается наймом помощников на лето?

– Но мы действительно родственники, – говорю я. – Мы ее внуки.

– Да, было бы здорово, правда? – усмехается Карсон, но, когда никто из нас не поддерживает его веселья, улыбка исчезает. – Подождите, вы что, серьезно?

– Эдвард вам не говорил? Мы переписывались с ним еще с апреля. – В порыве доказать свои слова я вытаскиваю из сумки папку с распечатками. – Вот, если хотите убедиться, здесь все есть.

Карсон берет ее, но тут же возвращает мне, едва взглянув.

– Он мне ни слова не сказал! Ну, Эдвард! Поверить не могу, как можно быть таким безответственным! Если бы он не ушел сам, я бы его уволил! Сейчас посмотрю, не оставил ли он каких-то записей.

Карсон яростно бьет по клавишам. Мы ждем в неловком молчании. Наконец его лицо проясняется.

– Ладно, я ничего тут не нахожу, но, к счастью, ваша бабушка как раз здесь, на месте. Мы только что закончили ремонтировать бальный зал, и она его осматривает. Если подождете буквально несколько минут, я приведу ее сюда.

Глаза Обри расширяются в тревоге:

– Что, прямо сейчас?

Карсон вскакивает на ноги с решимостью человека, стремящегося исправить свой промах.

– Именно сейчас! Я скоро!

Он пулей выскакивает в коридор, оставив нас неловко стоять у стола. Я вытираю вдруг вспотевшие ладони о подол. Мне казалось, что я готова к встрече с бабушкой, но сейчас, когда это вот-вот произойдет, оказывается, что нет. Голова совершенно пустая. В комнате царит абсолютная тишина, только откуда-то – наверное, из динамиков в холле – едва слышно доносится фоновая музыка. Качество звучания оставляет желать лучшего, но через несколько секунд я различаю знакомый мотив и едва не смеюсь от радости. Это «Африка» группы «Тото», у мамы в детстве она была любимой песней. На единственном семейном видео, которое я пересматривала несчетное количество раз, четверо младших Стори вместе расппевают ее на пляже.

Музыка странным образом как нельзя лучше оттеняет приближающиеся шаги и напористый голос Карсона:

– Как удачно, что я успел до вашего отъезда, миссис Стори!

Обри рядом со мной громко сглатывает. И вот бабушка стоит перед нами. Впервые в жизни я вижу ее наяву – таинственную, неуловимую, эксцентричную Милдред Стори.

Я скольжу по ней взглядом, выхватывая одну деталь за другой. Первыми бросаются в глаза драгоценности, их нельзя не заметить – двойная нитка глянцево-переливчатого серого жемчуга, ярко выделяющегося на строгом черном костюме, и такие же подвески-сережки. Туфли на каблуках впечатляющей для женщины за семьдесят высоты. Завершает наряд маленькая шляпка с вуалью. Общий вид такой, будто бабуля собралась на похороны какого-нибудь престарелого государственного деятеля. На черной сумочке лакированной крокодиловой кожи поблескивает золотой замочек. Я повидала в Нью-Йорке подделок, чтобы сразу распознать настоящий «Биркин» за двадцать тысяч долларов.

Знаменитые высокие скулы Милдред с возрастом утратили рельефность, но накрашена она все так же безупречно, как на всех виденных мною фото. Однако самое примечательное в ней – это волосы, собранные сзади в низкий пучок, такие снежно-белые, что даже не верится в естественность их цвета.

Ее блестящие глаза перебегают с Обри на Джону, которые совершенно не похожи на своих отцов, и останавливаются на мне, и я замечаю в них искорку узнавания.

– Значит, это правда, – произносит бабушка негромким хриловатым голосом. – Вы и в самом деле здесь.

Я с трудом перебарываю иррациональный порыв сделать книксен.

– Спасибо, что пригласили нас...

Та с резким выдохом сдвигает брови.

– Пригласила? – повторяет она.

Мы недоуменно смотрим друг на друга, пока молчание не прерывает нервное покашливание Карсона. Лицо бабушки вновь превращается в гладкую, без малейшего выражения маску.

– Да, действительно. – Милдред перекладывает сумочку из одной руки в другую. – Вы, должно быть, устали с дороги. Карсон, отведите их в комнаты для персонала, пожалуйста. Я поручу своей помощнице подобрать более удобное время для нашей беседы.

Карсон, маячащий сзади, выглядит совершенно растерянным.

– Да, конечно. Простите, мне нужно было самому догадаться...

– Ничего страшного, – холодно откликается Милдред. – Все в полном порядке.

Однако я знаю, что это не так. До того, как к ней вернулось самообладание, из путаницы моих мыслей выделилась одна – кристально ясная и прозрачная: бабушка не имела ни малейшего представления, что мы должны приехать.

Аллисон, 18 лет. Июнь 1996 года

Паром подходил с противоположной стороны Чаячьего острова, так что Аллисон с террасы Кэтминт-хауса видела лишь расстилающуюся водную гладь, плавно переходящую в голубое небо. Однако деловитый гул, доносящийся со всех сторон, напоминал, что летний сезон вот-вот начнется и что братья уже скоро будут дома.

Мама решила устроить праздник в честь возвращения Адама и Андерса, но, едва начав его планировать, тут же изнемогла от объема работы. Спасительницей, спокойно и успешно справившейся с делом, выступила ее помощница Тереза – как это было всегда в последние полгода, прошедшие после смерти отца Аллисон. И теперь небольшая армия помощников подготавливала все к сегодняшнему вечеру, развешивая на деревьях китайские фонарики, сооружая временную сцену для музыкантов и разбивая белые шатры вдоль лужайки сбоку дома, где гостей будут потчевать лобстерами, устрицами и фирменным блюдом Чаячьего острова – перепелиными яйцами а-ля рюс. Аллисон сверху не видела пляж, но знала, что там готовится фейерверк, на фоне которого померкнет празднование Дня независимости в большинстве американских мегаполисов.

– Думаешь, мы тоже удостоимся такой встречи, когда приедем из колледжа?

На соседний шезлонг с ухмылкой плюхнулся младший брат Аллисон Арчер, неуклюже выставив вперед ноги. Он совсем недавно вдруг сильно вырос, только к семнадцати годам достигнув тех же шести футов, что и Адам, и как будто еще не привык к своим новым удлинвшимся пропорциям.

– Вообще-то прошлым летом матушка такого не устраивала, – напомнила Аллисон.

Адам, самый старший, поступил в Гарвард два года назад. Андерс присоединился к брату прошлой осенью. Сама Аллисон, нарушая семейную традицию, в сентябре отправлялась в Нью-Йоркский университет.

– Просто в этом году все по-другому...

– Да, знаю. – Широкие плечи Арчера ссутуливаются, отчего он выглядит сразу меньше и юнее. – Правда, странно, как дом, полный людей, может быть таким... пустым?

У Аллисон в горле встает комок.

– Без отца все не так. И праздник тоже.

Арчер грустно улыбается:

– Да, еще и устрицы эти... Господи, он ведь их терпеть не мог. Как он их называл...

– «Морские сопли», – произносят они с Аллисон в унисон, подражая отцовскому голосу, и оба фыркают, почти смеясь.

– И я с ним согласен, – добавляет Арчер. – Сколько ни добавляй к ним масла, сливок, соли и так далее, на вкус все равно гадость.

Большую часть времени после смерти отца Аллисон ощущала ничем не восполнимую пустоту – так много места он занимал в их жизни. Это была рана, которая будет болеть всю жизнь. Однако время от времени, обычно в такие вот задумчивые моменты, как сейчас с Арчером, все же проблескивала надежда, что однажды в воспоминаниях останется больше светлого, чем горького. Частичка души Аллисон осталась в прошлом, но за последние месяцы она усвоила, что горю нельзя давать волю. Если позволить ему завладеть собой накануне маминого праздника, потом будет тяжело улыбаться и веселиться, как этого от нее ждут.

Арчер, видимо, подумав о том же, откинулся в шезлонге, заложил руки за голову, скрестил ноги в лодыжках и вместе с позой сменил тему разговора:

– Как думаешь, насколько невыносимым стал Андерс после года в Гарварде? По десятибалльной шкале?

– На двадцать.

Оба рассмеялись.

– Да, наверное. Вот Адама здорово будет увидеть, – добавил Арчер.

Аллисон не относилась к старшему брату с таким же обожанием, но все же была рада его приезду. Никто кроме Адама не мог вызвать у мамы такой счастливой улыбки.

– Я говорил с ним перед отъездом, и он сказал, что точно пойдет к Робу Валентайну в следующую субботу. Осталось только Андерса уговорить.

– Вообще-то я тоже еще не согласилась, – напомнила Аллисон.

Все Стори с двенадцати лет учились в частном пансионе «Мартиндейл» под Бостоном, и только один Арчер продолжал дружить – и чем дальше, тем теснее – с одноклассниками из местной начальной школы. Последние несколько лет он каждые каникулы пытался затащить братьев и сестру на какую-нибудь вечеринку на острове, но они в эти компании как-то не вписывались.

– Да ладно тебе, весело будет.

Аллисон закатила глаза.

– Ты что, ничего не вынес из той истории с Кайлой и Мэттом?

– Это было сто лет назад.

– Только не для Андерса. – Аллисон, вдруг выпрямившись, наклоняет голову набок. – Кажется, меня зовет матушка?

– Не слышу... – начал было Арчер, но остановился – из дома действительно долетело слабое, но отчетливое: «Аллисон!» – Признаю свою ошибку. Твой сверхчувствительный слух снова победил.

Аллисон, поднявшись на ноги, пересекла террасу и отодвинула стеклянную дверь в тот самый момент, когда мать появилась в комнате.

– Ох, Аллисон, слава богу, ты здесь.

Мама была уже одета к празднику – узкое белое платье, серебристые сандалии и гарнитур из желтых бриллиантов. Темные волосы собраны сзади, несколько расчетливо оставленных свободных прядей смягчают резкие черты лица. Губы накрашены красной помадой любимого оттенка, дымчатые тени наложены как всегда безупречно. Лишь присмотревшись, можно было заметить в лице некое напряжение – в роли хозяйки вечера Милдред Стори не чувствовала себя полностью естественно, всегда полагаясь на таланты мужа в этой области.

– Не могла бы ты спуститься к шатрам и взглянуть на цветы? Тереза заказала их в новом магазине на Херли-стрит. Мы раньше никогда не пользовались их услугами, и, боюсь, она выбрала их только потому, что Мэтт сейчас там работает. Я сейчас наблюдала за всеми приготовлениями, и мне показалось, что букеты немного несбалансированы.

– Несбалансированы? – повторила Аллисон.

– Чересчур много калл, – пояснила мама.

Сплетя пальцы, она бросила на руки нахмуренный взгляд. Это был ее новый пунктик – с недавнего времени она уверилась, что руки, в отличие от лица, выдают тот факт, что ей уже к пятидесяти. Аллисон нежно развела их, легонько пожав, чтобы приободрить.

– Уверена, что они просто чудесны. Но на всякий случай посмотрю.

Она выскользнула за дверь, прикрыв ее за собой. Если бы отец был здесь, он сказал бы: «Твоя задача сейчас – успокоить маму. Не важно, что там на самом деле – главное, заверить ее, что в каждой вазе калл ровно столько, сколько нужно». Ну, с этим-то Аллисон справится.

Прошлепав босиком по полированному дереву и мрамору полов, она задержалась у бокового выхода, чтобы надеть оставленные возле двери сандалии. Снаружи было шумнее, чем казалось с террасы. Голоса мешались со звуками строительства, время от времени брэнчала гитара – музыканты разыгрывались перед выступлением. В воздухе разливался запах жимолости от кустов вдоль стены Кэтминт-хауса. Завернув за угол, Аллисон едва не столкнулась со

стоящими бок о бок мужчиной и женщиной, обозревавшими раскинувшееся перед ними море белых шатров.

– Привет, Аллисон. – Мамин юрист Дональд Кэмден вытянул руку, задерживая девушку. – Куда спешишь?

– Э-э, ну... – замялась она, заметив рядом помощницу матери. Не говорить же, что проверить – не выбрала ли та плохого поставщика цветов из соображений семейственности. – Так просто, посмотреть.

Тереза Райан тепло улыбнулась в ответ. Она тоже была вдовой, но, в отличие от Милдред, не боялась выдать свой возраст. Седая, слегка полноватая, всегда в простеньких платьях и удобных туфлях...

– Скажешь мне потом свое мнение? – попросила Тереза и, коснувшись руки девушки, понизила голос до заговорщического шепота: – Между нами говоря, стандарты твоей матушки меня слегка пугают.

– Это вы мне говорите? – рассмеялась Аллисон с облегчением – теперь у нее был законный повод все проинспектировать.

С выпрямленной спиной и расправленными плечами она прошла по лужайке, где люди почтительно расступались, узнавая ее. Обычно на празднествах, устраиваемых родителями, Аллисон старалась слиться с обстановкой, но сегодня все иначе. Маме нужна еще одна хозяйка вечера в помощь, а не застенчивая дочь-подросток.

Зайдя в ближайший шатер, Аллисон по достоинству оценила труды Терезы. Все было выше всяких похвал: хрустящие белоснежные скатерти, мягкие стулья с повязанными на спинках бантами из полупрозрачной ткани того же цвета, сверкающее столовое серебро, искрящийся хрусталь и, конечно же, букеты. Они стояли в ослепительно-белых вазах в центре каждого стола – пышные охапки кремовых роз, лаймово-зеленых орхидей, перистых листьев какого-то неизвестного Аллисон растения и великолепных пурпурных калл. Само совершенство – трудно представить что-то лучше.

– Как они тебе, Алли? Одобряешь? – донесся вдруг голос сзади.

Аллисон обернулась – перед ней стоял сын Терезы Мэтт, в футболке с логотипом цветочного магазина. Тщательно отработанная горделивая поза вдруг куда-то испарилась.

– Меня так никто не называет!

– Ну и зря, – возразил Мэтт. – Тебе очень подходит. Надо постараться распространить это в народе.

Аллисон не нашлась с ответом, и Мэтт добавил:

– Нет, серьезно, как по-твоему – все нормально? Мама просто с ума сходит из-за этого праздника. Если мне придется вернуть пятьдесят букетов, ее инфаркт хватит.

– Они просто чудесны, – честно ответила Аллисон.

Мэтт смахнул воображаемый пот со лба.

– Ну, теперь она может считать, что год прошел не зря.

Аллисон прикусила губу, сдерживая улыбку. Мэтт был симпатичным и обаятельным, но в настоящее время – несмотря на родство с Терезой – среди младших Стори считался персоной нон грата. Прежде они относились к нему по-дружески, пока на прошлое Рождество он не закрутил с Кайлой Дьюгас – подружкой Андерса, с которой тот то сходил, то расходился. Отношения Кайлы и Мэтта продлились каких-то два месяца, но этого хватило, чтобы Андерс записал его в свои кровные враги на всю жизнь. Последние полгода Аллисон не помнила, чтобы братья называли Мэтта иначе как «долбанный Мэтт Райан».

– Тут скоро должен появиться Андерс... – услышала она собственный голос.

Улыбка Мэтта увяла.

– Спасибо за предупреждение. Тогда мне лучше исчезнуть. К тому же меня все равно нет в списке приглашенных... – добавил он, обводя глазами сверкающее внутреннее убранство.

– Нет, я не хотела...

Господи, и в мыслях не было его прогонять! Аллисон полагалось злиться на Мэтта из-за Андерса, но ведь на самом деле тот вкладывал в отношения с Кайлой столько же усилий, сколько и во все, что не касалось непосредственно его драгоценной персоны, – то есть самый минимум. А Мэтт... это Мэтт.

Он криво улыбнулся.

– Эй, не стоит за меня переживать. Мое дело сделано, раз тебе понравились цветы. – Он шагнул ближе, и его голубые глаза лукаво заискрились, скользнув по выцветшей футболке и спортивным шортам Аллисон. – Ты так на праздник пойдешь? А что, мне нравится. Такой местный неформальный прикид.

– Матушка бы тысячу раз умерла на месте, а потом воскресла, чтобы прибить меня, – откликнулась Аллисон, хоть и знала, что Мэтт шутит.

Он еще немного приблизился.

– А как бы она восприняла, если бы ты выпила со мной кофе на следующей неделе?

Стоп, Мэтт Райан правда приглашает ее на свидание?! Аллисон открыла рот, чтобы ответить – хотя сама понятия не имела что, – но тут в проеме появилось знакомое лицо. Красивое, с выражением какого-то ожидания в глазах и немного высокомерное. Адам! Уже вернулся из Бостона – значит, и Андерс может быть где-то здесь. Аллисон расправила плечи и одарила Мэтта заученной фирменной улыбкой Стори.

– Уверена, она вовсе не стала бы возражать. Мы можем назначить время позже – сейчас мне нужно идти. Прошу меня извинить.

Хоть Абрахама Стори и не было с ними больше, Аллисон точно знала, что бы он сказал о ее затруднительной ситуации: с одной стороны братья, с другой – романтическое увлечение. «Семья прежде всего».

– Мальчишки, вы вернулись! – крикнула Аллисон, бросаясь к ним с широко распахнутыми объятиями.

Глава 5. Обри

– Как я выгляжу?

Милли, стоя у своего шкафа, поворачивается вполоборота, одна рука на бедре. Темные длинные волосы распущены, из одежды – укороченные белые джинсы и легкая маечка с яркими розовыми и серебристыми цветочками.

– Просто супер, – честно отвечаю я.

Лениво водя рукой по потертому зеленому покрывалу на своей кровати, я дожидаясь, пока двоюродная сестра закончит собираться. В общежитии для временных помощников на лето далеко не так роскошно, как в самом курортном отеле. У нас на двоих одна маленькая голая комната, обставленная по-спартански – две кровати, встроенные шкафчики с выдвижными ящиками и зеркалами, два стола с простыми деревянными стульями. Туалет с ванной в коридоре. Посмотреть телевизор с большим экраном, сидя на мягком, можно только в общей гостиной.

Чемоданы Милли не поместились в узкий платяной шкаф и занимают все пространство между столами. Хотя если у нее все вещи такие, как сейчас на ней, будет глупо обвинять, что она привезла их в таком количестве.

– Классная майка, – замечаю я.

– Спасибо. Баба купила ее в ту же поездку в Японию, что и твой *гамагүти*, – откликается Милли, тщательно расчесывая щеткой и без того сияющие волосы.

– Это было так мило с ее стороны...

Сразу, как мы оказались в комнате и начали распаковывать вещи, Милли вручила мне подарок от своей бабушки – чудесный кошелек с металлической застежкой и рисунком в виде голубых волн: «Она знает, что ты любишь плавание». У меня комок встал в горле. Мамины родители уже умерли, так что Милдред Стори – моя единственная бабушка, однако совершенно посторонняя женщина – оказалась куда добрее и заботливее.

Со странного и неловкого знакомства в кабинете Карсона Файна прошло уже четыре дня. Тогда, едва мы оказались вместе в комнате общежития, Милли заявила, что бабушка понятия не имела о нашем грядущем приезде.

– Разве ты не видела ее лицо? Она была просто в шоке.

– Ну да, она оказалась не готова. Наверняка не так представляла наше знакомство – как бы между прочим. Но, Милли, как она могла не знать, что мы приедем, если сама нас пригласила?

Та фыркнула:

– Это мог быть кто-то другой. Я уже не уверена, что письма были от нее.

– Полная бессмыслица, – возразила я.

Я действительно тогда так считала. Решила, что Милли просто выдумывает. Однако с тех пор мы получили от бабушки одно-единственное известие – обезличенные несколько строчек, где сообщалось, что она уехала в Бостон по делам. «Свяжусь с вами по возвращении».

Мне все еще кажется, что Милли преувеличивает, но... Очень странно пригласить к себе никогда раньше не виденных внуков, а потом взять и самой уехать.

Милли взмахивает щеткой все ожесточеннее, взгляд в зеркале становится злым.

– Будь Баба ясновидящей, купила бы нам футболки с надписью «Моя вторая бабушка – стерва-разводила».

Я невольно хихикаю, но тут же чувствую себя виноватой и скорее меняю тему:

– Интересно, бабушка видела статью?

В воскресенье местная газета вышла с заголовком «Новая глава в истории Стори: внуки возвращаются на остров». Кто им сообщил – непонятно. Милли думает, что та девушка, кото-

рую мы встретили, Хейзел, но я подозреваю Карсона Файна. С самого нашего приезда он обращается с нами как с членами местной королевской семьи, предоставляет разные бонусы вроде возможности пользоваться курортным «Джипом» или работать в удобную смену. Бассейн, где я дежурю в качестве одного из спасателей, открывается в шесть утра, но я ни разу не приходила туда раньше десяти. Джона и Милли трудятся в двух гостиничных ресторанах – не знаю насчет него, мы больше почти не общались, но она проводит там едва ли три часа в день, это точно.

– Ну, кое-кто ее точно заметил, – усмехается Милли.

Вчера после обеда в своих почтовых ящиках мы обнаружили одинаковые кремово-белые конверты. Я сперва решила, что это от бабушки, однако внутри оказалось нечто совсем другое:

Кому: Обри Стори, Джоне Стори и Милли Стори-Такахаси

Дональд С. Кэмден, эсквайр, приглашает вас отобедать с ним в среду, 30 июня, в час дня в ресторане «Л'Этуаль».

Ответить просьба на почту Мелинды Картрайт:

mcartwright@camdenandassociates.com

– Бог ты мой, Дональд Кэмден! – воскликнула Милли, когда мы прочитали письмо. – Хочет и нас прогнать с острова, как родителей? «Вам известно, что вы сделали», – низким голосом добавила она.

– Да ладно тебе...

Протест вышел слабым и не слишком уверенным. Чем дольше мы не получали известий от бабушки, тем меньше я представляла, чего можно ждать. Ну, скоро мы все узнаем. Сейчас уже без пятнадцати час, машина, посланная за нами Кэмденом, должна прибыть с минуты на минуту.

– Давай лучше о чем-нибудь более приятном, – застегивая вторую сережку, предложила Милли. – Что там твой парень? Скучает без тебя?

Я машинально достаю из кармана телефон. В прошлую пятницу, прямо перед вылетом из Портленда, Томас написал мне: «*Удачно провести лето!*» — и добавил гифку с волнами. Прощальные слова вышли какими-то странными... как будто окончательными. Больше я ничего от него так и не получила, хотя сама постоянно ему писала, что у меня нового, и оставила пару голосовых сообщений. Я понимаю, разница во времени, да и телефоном во время летней подработки пользоваться нельзя, но все равно...

– Томас скучать не любит.

Милли бросает беглый взгляд на мое отражение в зеркале, как бы взвешивая, стоит ли продолжать расспрашивать, потом берет блеск для губ.

– Тогда даю тебе разрешение флиртовать с кем захочешь из... «Тауэр»? – запинается она перед последним словом.

– «Тауи», – поправляю я.

Так на Чаячьем острове называется программа по найму временных помощников на лето из числа школьников. Мы живем отдельно от постоянных работников, и периодически у нас проходят какие-то совместные мероприятия – в первый день были посиделки у костра на пляже, а вчера турнир по волейболу. Нам даже раздали футболки с надписью «ТАУИ». Я свою сняла только несколько минут назад, переодеваясь к ланчу, а Милли в первый же день засунула в самый нижний ящик и больше не вынимала.

Большинство идет в «Тауи» вовсе не ради денег, они и так обеспечены. Сосед Джоны по комнате Эфрам – сын звезды ритм-энд-блюза начала 2000-х. У другого парня мать заседает в Сенате. Рядом с нами живет Бриттани – ее родители создали мессенджер, которым пользуется вся моя школа. В основном сюда отправляются ради строчки в резюме, из соображений престижа или просто лишь бы оказаться подальше от своей семьи.

– Не понимаю я этого названия, – хмурится в зеркале Милли. – Что за «Тауи»?
– Птица, – напоминаю я. Вот что значит невнимательно прочитать ознакомительный буклет. – Прилетает на Чаячий остров только летом.

– Мило, – равнодушно бросает Милли, продолжая одеваться.

Мне уже давно ясно, что она вообще не коллективный человек, в отличие от меня. Я-то почти всю жизнь была в какой-нибудь команде, перепробовав много разных видов спорта, прежде чем сосредоточиться на одном. До меня вдруг доходит, что две главные опоры в моей жизни – команда по плаванию и Томас – остались где-то далеко-далеко, и не только в буквальном смысле. Чувство одиночества грузом опускается мне на плечи.

Поднявшись с кровати, я встряхиваюсь, как перед соревнованиями, чтобы отогнать грустные мысли.

– Зайдем за Джоной?

– Лучше не будем, – сухо откликается Милли. – Мы и так его слишком скоро увидим.

– По-моему, он ничего. Я думала, будет хуже, – говорю я, взглядывая в свое зеркало. Хвост не растрепался – значит, все нормально, можно идти. В старших классах я сначала тоже долго прихорашивалась перед выходом, пока Томас не сказал, что все равно не видит разницы между «до» и «после». – Иногда он даже забывает грубить.

Милли скорчивает рожицу.

– Но потом быстро вспоминает.

Телефон вибрирует, и я с надеждой смотрю на экран, но это всего лишь сообщение от отца. Еще одно. Раньше от мамы пришла целая куча с вопросами о поездке, двоюродных брате и сестре, об острове – и упоминание, что поживет у тети Дженни «какое-то время». Папу, в разных вариациях, интересовало только одно: «Что там у вас с бабушкой?»

Я сую телефон в карман, не прочитав. Сколько себя помню, я бросала все на свете, чтобы ответить отцу. На сей раз он может и подождать.

* * *

Дональд Кэмден прислал за нами вместительный «Линкольн», но втроем на заднем сиденье все равно было бы тесно. Джона вызывается сесть впереди, но, похоже, тут же начинает об этом жалеть – шофер оказывается тем еще болтуном.

– Много где уже на острове побывали или вас чересчур загружают? – спрашивает он, выезжая на Океанское шоссе. Эта дорога с не особенно оригинальным названием идет вдоль нескольких самых крупных пляжей.

Джона только неразборчиво бурчит что-то. Я подаюсь вперед:

– Ну, мы здесь только четыре дня. Ходили на ближайший пляж и в центре были пару раз.

– Заметили, чего здесь нет? – спрашивает водитель таким тоном, словно готовясь повесть чудесную тайну. Прежде чем я успеваю среагировать, сам и отвечает: – Ни одного сетевого магазина или кафе. Они пытались, не подумайте, – особенно «Старбакс». Но мы здесь поддерживаем местный бизнес.

Пялившийся в телефон Джона вдруг оживает.

– Круто! – восклицает он с энтузиазмом, какого мы прежде от него не видели.

Милли тычет кулаком в спинку переднего сиденья.

– «Старбакс» ты тоже терпеть не можешь, как и... – она изображает задумчивую гримасу, – ...вообще все на свете?

Джона игнорирует вопрос, и шофер продолжает так, будто его и не прерывали:

– По дороге к центру, по правой стороне будет несколько пляжей. Вот Денежный – очень популярен для семейного отдыха. Его так называли, потому что раньше в песке постоянно попадались монетки. Поговаривают, что основатель курорта каждое лето зарывал здесь несколько

сотен долларов мелочью, чтобы детишки могли их откапывать. Не знаю, правда или нет, но после того, как он умер, деньги находить перестали.

«Правда!» – чуть не говорю я вслух. Это была любимая история мамы про Стори – как дедушка каждые несколько недель ночью пробирался на пляж, чтобы пополнить запас монеток. Папа рассказал ей об этом, когда они познакомились на вечеринке у общего друга, уже после колледжа, и мама всегда говорила, что именно тогда начала влюбляться. Мне только теперь подумалось – получается, первым ее привлек отраженный блеск щедрости совсем другого человека.

Обменявшись взглядами с Милли, я понимаю, что и она слышала об этом от матери. Однако мы обе молчим – за короткую поездку всего все равно не объяснишь.

Машина останавливается на светофоре, но монолог нашего водителя не смолкает. Указав на плоскую полосу серого песка справа, он продолжает:

– А вон там у нас Короткий пляж...

– Как вы сказали? – прерываю я, услышав знакомое название. – «Кроткий»?

– Нет, «Короткий». Два «о».

– А можно нам... можно мне на него взглянуть? Это был... папин любимый пляж.

– Правда? – переспрашивает Милли.

– Конечно, – одновременно с ней добродушно говорит шофер и тормозит у обочины. – Не самое красивое место на острове, по-моему, но посмотрите, если хотите.

Я выбираюсь из машины, Милли следом за мной. Между дорогой и пляжем идет полоска травы. Сам он совсем небольшой, по форме похож на полумесяц. Крупный песок с камнями, растительность вокруг редкая и чахлая. Тут и там на ярких полотенцах загорают люди, но в целом народа для этого времени дня совсем немного.

Милли поправляет темные очки.

– И это любимый пляж дяди Адама?!

Я оборачиваюсь:

– Ты читала его книгу? «Короткое и прерванное молчание»?

– А, нет. Я пыталась, но она такая...

– Скучная, – заканчиваю я за нее. – Да, знаю. Но главный герой там – я всегда считала, что под ним папа вывел самого себя, – постоянно упоминает один пляж в своем родном городке. Пляж называется «Кроткий». И все время повторяет, снова и снова: «Там-то все и пошло наперекосяк».

– Хм... – Милли на несколько секунд замолкает, потом говорит: – Только ведь этот «Короткий».

– Да, но папа там не особенно заморачивается с именами и названиями. Например, жену главного героя зовут Магда, а мою маму – Меган. А дочь у него Оги.

– Оги? – озадаченно морщит переносицу Милли.

– Уменьшительное от «Огаста», – объясняю я.

– Хорошо, ну и?... Думаешь, с твоим папой здесь что-то произошло?

– Необязательно... – говорю я.

Объяснение очень в его духе – как будто все, что с ним случалось, происходило не по его воле. Однако в жизни не так – во всяком случае, у него точно было по-другому.

– Просто интересно.

Сзади слышится громкое покашливание. Мы оборачиваемся – из окна машины недовольно глядит Джона.

– Наглазелись? Или ну его, этот ланч, будете и дальше рассматривать худший в мире пляж?

– Еще три дня, – бормочет под нос Милли, шагая обратно. – Еще каких-нибудь три дня, и я его прикончу.

«Л'Этуаль» оказывается классическим рестораном для пожилых. Обои с цветами, низкие мягкие стулья, а в тяжелом томе меню с золотым обрезом все сплошь запеченное и не дешевле тридцати долларов.

– Если хотите что-то, чего там нет, не стесняйтесь попросить, – предлагает Дональд Кэмден, пока официант разливает по бокалам воду. – Шеф-повар – мой хороший друг.

– Спасибо, – бормочу я, тайком бросая изучающий взгляд поверх меню.

Кэмден примерно одного возраста с бабушкой и так же хорошо сохранился. У него густые серебристые волосы и загорелая кожа. Лицо покраснелось то ли от солнца, то ли от уже второй порции спиртного. С самого начала он держится с нами внешне приветливо и непринужденно, спрашивает про работу и нравится ли нам в «Тауи». Я, однако, все больше и больше нервничаю, потому что до сих пор не могу понять, зачем мы здесь и чего он от нас хочет.

– Можно мне гамбургер с булкой, а не без? – спрашивает Джона, хмуро изучая меню.

Он одет хуже всех, сидящих в зале, – старая футболка, джинсы и заношенные кроссовки. Мы с Милли по крайней мере постарались принарядиться, посмотрев фотографии ресторана в интернете. Дональд, однако, не показывает виду.

– Конечно, – усмехается он. – Здесь все помешаны на здоровом питании, следят за содержанием углеводов и прочее, но вам, само собой, об этом можно не волноваться.

Официант возвращается, чтобы принять заказ. Закончив, Кэмден откидывается на спинку стула и делает глоток янтарной жидкости из хрустального бокала.

– У вас уже была возможность оценить наши пляжи?

Взгляд останавливается на Джоне, который только еще больше ссутуливается.

– Я не любитель пляжей, – бурчит он.

Насколько мне известно, его вообще ничто особо не интересует. Он не был ни на одной из встреч «Тауи». Многие из наших соседок считают его симпатичным – особенно Бриттани все время старается его куда-нибудь затащить, – но если ему самому кто-то и нравится, он этого не показывает.

– Я слышала, перед Кэтминт-хаусом, где жили родители, очень хороший пляж, – замечает Милли и, откинув движением головы волосы, добавляет: – У мамы он был любимым.

К лицу у меня приливает кровь. Вызов брошен, хотя еще даже не подали закуски. Однако Кэмден как будто и не замечает его, лишь делает еще глоток.

– Да, чудесный пляж. – Голос звучит совершенно спокойно. – Рассветы там потрясающие.

– А «Короткий»? – спрашиваю я.

«Там-то все и пошло наперекосяк». Я пытливо ищу на лице Кэмдена подтверждение, что это место действительно важно – может быть, даже как-то связано с разрывом между бабушкой и родителями, – однако тот только пожимает плечами:

– Ничего примечательного.

Милли беспокойно ерзает на стуле. Дональд, видимо, поняв, что светская беседа ей надоела, отставляет бокал и подается вперед, сложив руки на столе.

– Наши прекрасные пляжи можно обсуждать еще долго, но я пригласил вас сюда не за этим. Вы позволите мне говорить откровенно?

– Пожалуйста... – откликаюсь я.

– Я только «за», – одновременно со мной произносит Милли.

Джона бормочет под нос что-то вроде «А получится?», но я не уверена, что расслышала правильно. Снова появляется официант с тарелками. Кэмден дожидается, пока тот расставит их на столе, и только потом продолжает:

– Ваша бабушка не в лучшей форме. Непосредственно сейчас ее здоровью ничего не угрожает, однако оно слабеет, и, на мой взгляд, ей следует избегать любого нарушения сложив-

шегося жизненного уклада. Боюсь, оказанное вам троим радушие перенапрягло ее, а с течением времени это бремя будет все более и более возрастать.

– Бремя?! – возмущенно выпаливает Милли. – Радушие?! О чем вы вообще?! После приезда мы ее почти не видели!

Дональд как будто и не слышит.

– В то же время появилась интересная возможность, которой я хотел с вами поделиться. Вам знакома серия фильмов «Агент под прикрытием»?

– Ну да, – говорю я. – Конечно.

Первая часть – про двух студентов колледжа, которые становятся супертехнологичными шпионами, – вышла, когда я училась в восьмом классе, и совершенно неожиданно стала таким хитом, что потом сняли еще две. Я не один год сохла по Данте Рогану, сыгравшему одну из главных ролей. Иногда даже, целуясь с Томасом, я закрывала глаза и представляла на его месте актера.

– Не знаю, слышали ли вы, но этим летом в Бостоне снимают продолжение, – поясняет Дональд. – Компания моего старого друга занимается юридическим сопровождением, и от него я знаю, что на съемках нужна дополнительная рабочая сила. Молодые люди, которые выполняли бы различные поручения, а также время от времени выступали бы в роли дублеров или статистов в массовых сценах. Я подумал, что вас троих это может заинтересовать.

– Еще бы! – выпаливаю я, не раздумывая.

– Ничего не обещаю, – добавляет Дональд, разрезая свою запеченную треску, – но если захотите, буду рад узнать подробнее. Как я слышал, там предоставляется жилье и платят неплохо. Во всяком случае, больше, чем в текущий момент на курорте. Словом, все останутся в выигрыше. – Он прерывается, аккуратно отправляя в рот кусочек. – Вы получите ни с чем не сравнимые впечатления, а вашу бабушку, которой не под силу сейчас роль гостеприимной хозяйки, ждет самый обычный, спокойный летний сезон.

– Но у нас здесь есть работа, – раздумчиво говорит Джона. – Мы не можем просто взять и уехать.

Дональд машет рукой:

– Претендентов на летнюю подработку на курорте всегда больше, чем мест. У нас длинный список желающих. Уверен, вам легко найдется замена.

– А мы будем работать с Данте Роганом? – затаив дыхание, спрашиваю я.

Милли вдруг резко встает, бросив салфетку на стул.

– Мне нужно отлучиться. Пойдешь со мной, Обри?

– Я вроде не собиралась...

– Тогда просто составь мне компанию.

Губы Милли улыбаются, но зубы стиснуты. Она подхватывает меня под локоть и тянет за собой. Мне остается только подчиниться. Она буквально тащит меня через зал ресторана, огибая большей частью пустующие столики, распаивает дверь в женский туалет и останавливается перед зеркалом в золоченой раме над двумя раковинами. Пахнет здесь так, будто мы упали в чан с ароматической смесью из засушенных лепестков. Милли облакачивается на стену в розовом кафеле и скрещивает руки на груди.

– Тебе не кажется, что это немного странно?

Я улавливаю ее скептический тон, но все заслоняют собой мысленные картины постепенного сближения с Данте Роганом за кофе, который я буду подавать.

– Что, работа на съемках? По-моему, просто потрясюще!

– Серьезно? А по-моему, очень похоже на подкуп.

Я сдвигаю брови, упорно не желая отказываться от своих фантазий. Милли вздыхает:

– Ну же, Обри, подумай сама. Это ведь Дональд Кэмден – злой гений наших родителей. Ты правда считаешь, что он печется о наших интересах?

– Злой гений? – чуть не смеюсь я.

Однако... она ведь права. Всю жизнь я только и слышала, как отец говорил с горечью и возмущением: «Дональд не отвечает на мои письма», «Дональд сообщает, что мать не изменила своего решения», «Дональд пишет – не имеет значения, что отец не захотел бы лишать своих детей наследства; это нигде не зафиксировано документально».

– Так что ты хочешь сказать? Что мистер Кэмден пытается от нас избавиться?

– Именно так. Я предупреждала, что так и будет, помнишь?

– Но почему?

Милли задумчиво постукивает пальцем по подбородку.

– Не знаю. Однако интересно другое – почему-то он не может этого сделать.

Я, как обычно, не успеваю за ходом ее мыслей.

– А?

– Ну ясно же, что если бы все зависело только от него, нас бы здесь уже не было. Зачем соблазнять нас приманкой в виде шикарной подработки? Мог ведь просто уволить и выгнать с острова. Значит, что бы за этим ни стояло, на сей раз Дональд Кэмден и Милдред Стори не заодно. Он не может прислать нам: «Вам известно, что вы сделали», и все. – Взглянув в зеркало, она поправляет волосы. На ее губах появляется легкая улыбка. – Есть тут что-то приятное, правда?

– Тогда получается, что все-таки бабушка нас пригласила? – спрашиваю я.

– Нет. Если она хочет, чтобы мы остались, это еще не значит, что благодаря ей мы здесь. Я вздыхаю:

– У меня голова кругом, Милли.

Она усмехается и, взяв меня под руку, шагает обратно к двери.

– Ничего. Привыкнешь.

Глава 6. Джона

После ланча с Дональдом Кэмденом прошло два дня. Милдред Стори до сих пор так и не удостоила нас аудиенцией.

Сейчас четыре часа дня, пятница. «Семерка» – что-то вроде спортивного паба здесь, в курортном отеле, – начнет заполняться примерно через час. Я тут в качестве помощника официанта, убираю грязную посуду, и это далеко не худшая работа. Особенно если учесть бесплатную еду.

– Что нового, Джона? – спрашивает Чез, бармен, когда я забираюсь на табурет напротив. Нормальный парень, с густой черной бородищей, как у траппера с Дикого Запада. Не понимаю, как он вообще прошел курортный дресс-код. – Хочешь сегодняшнее блюдо дня?

– А что там?

– Спагетти с креветками.

Я поспешно киваю. Чез набирает что-то в планшете и сощуривается, глядя на экран.

– Повезло тебе, даже ждать не придется. Клиент отменил заказ, а порция уже готова. Сейчас принесут.

Повернувшись, он начинает доставать бокалы с нижней полки и расставлять на стойке аккуратными рядами. В «Семерке» современные технологии сочетаются с традиционной обстановкой. По стенам развешаны огромные телевизоры с невероятной четкостью картинки – я таких нигде не видел, – при этом везде темное полированное дерево, приглушенный свет и кожаные кресла. Массивную стойку обрамляют две колонны, по всей длине установлены табуреты. Временные работники собираются здесь перекусить около половины пятого, но я всегда начинаю чувствовать голод куда раньше.

– Первый, как обычно? – раздается сзади холодный голос.

Обернувшись, я вижу Милли в рабочей униформе – черное коктейльное платье, черный фартук, стильные черные кроссовки и темно-красная губная помада. Судя по тому, что все официантки «Веранды» – это изысканный курортный ресторан – используют тот же оттенок, он является обязательной частью образа. Волосы девушки убраны в высокий хвост, ресницы накрашены. Хотя, возможно, это не тушь, а они у нее от природы такие густые?

– Просто еда здесь нравится, – говорю я, настороженно глядя, как Милли усаживается рядом.

За исключением разговора на пароме и того странного ланча с Дональдом Кэмденом, мы почти не общались. Мне казалось, она к этому и не стремится, так что непонятно, с чего вдруг ей вздумалось ко мне присоседиться.

На телевизоре прямо перед нами включен канал Си-эн-эн – Чез любит до наплыва посетителей и сплошных спортивных трансляций со всех сторон посмотреть новости. Взгляд Милли падает на экран.

– Опять какого-то финансиста арестовали за мошенничество с инвестициями, – громко замечает она. – Похоже, среди них это прямо какая-то эпидемия. Дядя Андерс с таким не сталкивался? Ну, с каким-нибудь, не знаю... «Берни Мейдоффом из Род-Айленда»?

Черт! Даже не видя ее лица, я понимаю, что она каким-то образом наткнулась на ту самую недавнюю заметку в нашей местной газете:

Один недовольный клиент лишился всех своих пенсионных накоплений, а также денег, отложенных на учебу ребенка в колледже, и рискует потерять семейный бизнес. Фрэнк Норт, недавно подавший заявление о банкротстве, называет Андерса Стори «Берни Мейдоффом из Род-Айленда». По словам мистера Норта: «Его инвестиционные проекты были не более чем финансовой пирамидой. Я оказался в ней последним звеном и остался в дураках».

Не знаю, однако, известно ли Милли, что это все правда.

Чез невольно спасает положение, переключив на спортивный канал.

– Фигня все это управление финансами. Тут одно надо понять – никто не будет заботиться о ваших деньгах так, как вы сами. – Бармен грустно улыбается, под глазами собираются усталые морщинки. – Сказал человек, у которого ничего нет. Но вы, ребята, не забывайте об этом, когда выйдете в большую жизнь. Налить вам чего-нибудь?

– Нет, спасибо, – откликается Милли.

– Я бы не отказался от колы, – говорю я и, дождавшись, пока Чез исчезнет за одной из колонн, оборачиваюсь и спрашиваю напрямик: – Что тебе нужно?

– Какой ты подозрительный, Джона. – С деланой обидой Милли насупливает брови. – Может быть, я просто хочу побыть со своим двоюродным братом.

– Очень сомневаюсь.

Отбросив притворство, она вытаскивает из кармана конверт кремового цвета и переходит на деловой тон:

– Ты такой получил?

На вид это то же письмо, которое Дональд Кэмден прислал, приглашая нас на ланч.

– Ну да. Я там был, забыла? Гамбургер без булки и все такое.

– Да нет. – Она нетерпеливо открывает конверт, вытаскивает карточку и протягивает мне. – Это следующее, в дополнение к тому.

Развернув, я читаю:

Настоятельно рекомендую еще раз обдумать мое предложение. Оплата оказалась более щедрой, чем я предполагал (см. ниже).

Дональд С. Кэмден, эсквайр.

Мой взгляд падает на цифры внизу. Это по меньшей мере втрое больше, чем я заработал бы здесь, на курорте. Переворачиваю карточку, но ничего другого на ней нет.

– Не знаю, может, и мне приходило, – говорю я, возвращая ее Милли. Приходится сделать усилие, чтобы голос звучал как обычно, потому что сумма просто огромная. – Я не проверял почту в последнее время.

– Привет, Джона, – прерывает нас сладкий девичий голосок с легким намеком на флирт.

Это Бриттани, официантка, тоже из «Тауи». Как всегда при встрече со мной, улыбается с притворной скромностью и хлопает глазками. Проблемка, однако. Девушка она симпатичная, но я-то стараюсь не привлекать к себе лишнего внимания.

– Говорят, ты стал счастливым наследником капризного клиента?

Она ставит передо мной тарелку и одновременно откидывает за спину толстую светлую косу. Милли смотрит на нас, скрестив руки на груди.

– Спасибо, Бриттани.

Запах чеснока и морепродуктов достигает моих ноздрей, и у меня немедленно начинают течь слюнки.

– Обращайся, – улыбается та, потом переводит взгляд вправо: – Привет, Милли. Как жизнь?

– Потихоньку. Вот, разговариваю с двоюродным братом. О семейных делах.

Недосказанное «И ты нам мешаешь» очевидно, и если бы я имел какие-то виды на Бриттани, то почувствовал бы себя задетым. А так я просто кладу на колени салфетку и беру в руки вилку.

– Что ж, ладно. – Бриттани нерешительно крутит косу в пальцах. – Тогда мне пора возвращаться к своим столикам. Кстати... тут народ собирается в «Дюну» после смены... Это

что-то вроде пляжного бара, – видя мой непонимающий взгляд, поясняет она. – Ну, не совсем бар. Туда пускают и до двадцати одного года. Еда, музыка, развлечения. И совсем недалеко, пешком можно дойти. Не хочешь сходить?

Не особенно. Опять же, ничего личного, но чем меньше я здесь буду с кем-то общаться, тем лучше.

– Не знаю, – говорю я. – Я здорово устаю к концу дня, так что...

– К тому же Джона ненавидит людей, – тоном услужливой подсказки вставляет Милли.

Я бросаю на нее такой взгляд, что Бриттани испуганно моргает.

– Можешь ты не лезть, куда не просят?! – огрызаюсь я.

– Наглядная иллюстрация, – разводит руками Милли.

– В общем, дай мне знать, если надумаешь, – с натянутой улыбкой добавляет Бриттани и отправляется обратно на кухню. Я срываю досаду, вонзая вилку в спагетти.

– Тебя здесь никто не держит, кстати, – бросаю я Милли.

Она смотрит на мою тарелку, сдвинув брови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.